

М Е М У А Р Ы

Лелюшенко Д. Д. Заря победы.

М.: Воениздат, 1966. - 144 с. (Военные мемуары).

А самого не покидала мысль: «Как с корпусом? Генерал без войска что солдат без оружия. Для почина хоть что-нибудь иметь бы сейчас под руками!»

И тут меня осенило. Я вспомнил, что в Резерве Ставки в Ногинске находится 36-й мотоциклетный полк.

- Кстати, Иван Петрович, получите и первое задание. Надо срочно выяснить, на месте ли сейчас командир мотоциклетного полка подполковник Танасчишин. Предупредите его, чтобы никуда не выезжал.

- Хорошо!

- И еще. Не знаете ли, какие части есть в резерве поблизости у наших собратьев по оружию?

- У артиллеристов, кажется, есть училище в Туле.

Я твердо решил, что буду просить Ставку подчинить 1-му Особому корпусу полк Т. И. Танасчишина и артиллерийское училище. . . .

- В Орел сейчас лететь нет смысла. Ни наземных, ни воздушных наших войск там нет. Авиация противника, вероятно, уже господствует над городом. Прошу подчинить мне 36-й мотоциклетный полк, находящийся в вашем Резерве, и Тульское артиллерийское училище. С ними двинусь навстречу Гудериану. По пути подберу отступающих и вышедших из окружения. Этими частями организую оборону до подхода главных сил корпуса. Штаб корпуса расположу в Мценске.

- Думаю, что предложение Лелюшенко можно принять, - сказал Ворошилов после короткого раздумья. Микоян тоже отнесся одобрительно. Шапошников дополнил:

- Выступить нужно быстрее. Немедленно по тревоге поднять мотоциклетный полк и училище и приступить к выполнению задачи.

- Так можно, - сказал Сталин и добавил: - Дальше Мценска противника не пропускать! - И красным карандашом прочертил мне на карте конечный рубеж обороны по реке Зуше. Прямо из Ставки я позвонил командиру мотоциклетного полка подполковнику Т. И. Танасчишину:

- Объявить полку боевую тревогу. Обеспечить личный состав двумя боекомплектами, пятьюстами противотанковыми минами. Взять с собой три сотни бутылок с зажигательной смесью. Горючего - на три заправки; продовольствия - на четыре дня. Через два часа выступить по маршруту Москва - Серпухов - Тула. От Тулы будьте готовы повести разведку на широком фронте. Основное направление Тула - Мценск - Орел.

Затем связался с Тульским артиллерийским училищем. Там уже получили приказ Ставки о подчинении 1-му Особому гвардейскому стрелковому корпусу.

Приказал немедленно поднять училище по боевой тревоге и выступить в направлении Мценск - Орел. Задача: основными силами организовать оборону по реке Зуше у Мценска, перехватывая шоссе, а остальными - занять выгодный рубеж, ближе к Орлу. Завтра искать встречи со мной на юго-западной окраине Мценска. . . .

Днем 2 октября добрались до Тулы. Здесь, в городе старейших русских оружейников, еще не знали, что гитлеровцы прорвали оборону Брянского фронта и подходят к Орлу. Начальник связи корпуса подполковник А. Я. Остренко принес радиограмму. Ставка сообщала, что противник начал наступать на центральном участке Западного фронта, в районе Вязьмы. Это означало, что фашистские войска перешли в общее наступление на Москву.

Во дворе Тульского артиллерийского училища, куда мы захали, на широком плацу стояли 152-миллиметровые гаубицы, 76- и 45-миллиметровые пушки. Здесь были собраны все учебные орудия, которые можно использовать в бою. Но транспорта училище не имело. Пришлось мобилизовать городские автобусы. В полдень курсанты приступили к выполнению боевого задания. . .

Встреча с войсками Гудериана должна была состояться в очень невыгодных условиях. Фашистская армада бешено рвалась к Туле и Москве, а наш Особый корпус существовал лишь номинально - располагали мы только мотоциклетным полком со ста пятьюдесятью мотоциклами, одним тан-

ком Т-34 да отрядом артучилища. Было у нас еще одно: безграничное желание любой ценой выполнить приказ, не допустить врага к Туле. . .

Почти в те же часы в Мценск прибыл полковник Владимир Алексеевич Глуздовский, назначенный к нам начальником штаба. Он привез из Москвы приятные вести: ночью должна прибыть 4-я танковая бригада, а через два дня с Ленинградского фронта подойдут первые части 6-й гвардейской стрелковой дивизии.

На душе стало немного легче, однако тревога ни на минуту не покидала меня. Ведь Тула совсем рядом, а там - и Москва.

- Послать бы кого-нибудь из наших в Тулу, - будто прочитав мои мысли, предложил бригадный комиссар Сорокин. - Надо рассказать городским властям об обстановке, помочь организовать самооборону.

Предложение было дельное. Три офицера во главе с майором Ефимовым тотчас выехали в Тулу. Сведения о противнике, полученные от пленных, были срочно доложены в Ставку.

- Держитесь, голубчик, пополнение вот-вот получите, - сказал маршал Шапошников. . .

Девять дней сражались воины 1-го Особого гвардейского стрелкового корпуса на полях Орловщины. Четырежды меняли они рубеж, ведя подвижную оборону, изматывая противника в ожесточенных боях. На пятом рубеже по реке Зуше остановили врага и до 24 октября удерживали свои позиции. К тому времени был завершён в основном отход частей 50-й армии Брянского фронта в район Тулы. . .

Потеряв в тех боях значительное количество танков, фашистский генерал Гудериан спустя много лет признался в своих мемуарах: «Намеченное быстрое наступление на Тулу пришлось пока отложить». . .

Дежурный генерал Ставки скрылся за тяжелой дубовой дверью и тут же вышел обратно :

- Вас просят зайти!

Через минуту я уже докладывал:

- Противник из Мценска выбит. Положение на реке Зуше стабилизировано. . .

Сталин ходил по комнате, набивая табаком трубку. Маршал Шапошников склонился над картой. Строго глядя на меня, Молотов неожиданно спросил:

- Почему вы не выбили противника из Орла?

Я был ошеломлен этим вопросом и ответил в несколько возбужденном тоне:

- Нечем было выбивать! Да если бы и были силы, вряд ли стоило лезть в город... Фланги у нас совершенно открыты на сотни километров. Враг мог свободно обойти корпус и ринуться на Тулу, а потом и дальше...

На мгновение И. В. Сталин остановился, посмотрел на меня и молча кивнул. Тогда и В. М. Молотов слегка улыбнулся. По-видимому, перед самым моим приходом у них был разговор на эту тему.

Неловкую паузу нарушил начальник Генерального штаба.

- За Мценск спасибо, - сказал Шапошников. - А в данный момент, командарм, перед вами стоит другая задача. . . .

«ВРАГ НЕ ПРОШЕЛ»

Начальник штаба Брянского фронта Л. М. Сандалов

Октябрь 1941 года стал месяцем тяжелых испытаний для войск Брянского фронта, оборонявшихся на дальних подступах к Москве. Ударами крупных сил по его флангам противник прорвал жидкую оборону наших войск и бросил в прорыв моторизованные корпуса. Войска Гудериана захватили Орел и Карачев.

Во второй половине октября армиям фронта удалось пробиться из Брянских лесов к войскам, занимавшим тыловую оборонительный рубеж. Однако в ожесточенных боях при выходе из окружения войска понесли большие потери в людях и особенно в технике. На поле боя пали командующий право фланговой 50-й армией генерал - майор М. П. Петров и член Военного совета бригадный комиссар Н. А. Шляпин. Вступившему в командование армией генерал - майору А. Н. Ермакову была поставлена задача - отвести армию на рубеж Богучарово, Павшино, Верховье и прочно прикрыть подступы к Туле. Для непосредственной обороны города был

создан Тульский боевой участок.

Но противник не дал нам возможности выполнить намеченное. 23 октября 2-я танковая армия Гудериана нанесла сильный удар в районе Мцен-

ска. В ожесточенных, кровопролитных боях части, входившие в корпус Д. Д. Лелюшенко, в течение двух дней сдерживали врага, причинив ему огромный урон, но и сами понесли значительные потери.

С трудом сдерживая вражеские части, наши войска стали медленно, от рубежа к рубежу, отходить к Туле.

30 октября генерал Захаров и я были вызваны Москвой на переговорную узла связи штаба фронта в Ельце. От имени Ставки А. М. Василевский потребовал доложить обстановку под Тулой.

- Судя по отрывочным радиogramмам, сегодня утром противник начал штурм Тулы, но истинной обстановки не знают, ни штаб фронта, ни штаб 50-й армии, - откровенно признались мы.

После продолжительной паузы на телеграфной ленте слово за словом появилось следующее:

- По докладу секретаря Тульского обкома Жаворонкова, противник прорвался к южной окраине Тулы. Генерал Ермаков со штабом армии отошел за город. В помощь войскам, удерживающим Тулу, выдвинуты в первую линию обороны рабочие части, войска НКВД и милиция. Немедленно вышлите в Тулу начальника штаба с начальниками родов войск фронта для непосредственной организации обороны Тулы. Ставка изыскивает дополнительные силы для усиления войск под Тулой. За оборону Тулы отвечаете головой, - предупредил в заключение разговора А. М. Василевский.

И вот через два - три часа я, комиссар штаба фронта и начальники родов войск выехали на дрезине в Тулу.

Нас встретил начальник гарнизона Тулы полковник С. И. Иванов - командир 108-й танковой дивизии. Он привез нас к себе, подробно ознакомил с обстановкой под Тулой.

- Вчера к вечеру дивизия Гудериана подошла к окраине Тулы, - показывал он на карте. - Надо сказать, что областной партийный комитет во главе с секретарем обкома В. Г. Жаворонковым мобилизовал все население Тулы для организации обороны города. На окраинах города возведен ряд оборонительных рубежей. Город превращен в своеобразную крепость. Войска пятидесятой армии, предназначенные для обороны Тулы, сегодня подошли к городу.

- Решением городского комитета обороны, - продолжал начальник гарнизона, - вчера были переданы в состав Тульского боевого участка сформированный на днях Тульский рабочий полк, полк войск НКВД и отряд милиции. Вместе с подразделениями моей дивизии они заняли подготовленный перед южной окраиной Тулы рубеж, перехватывающий въезды в город по Одоевскому, Орловскому и Воронежскому шоссе.

Позади этих частей для борьбы с танками противника выставил свои 85-мм зенитные орудия зенитно-артиллерийский полк ПВО. Артиллерийская поддержка обороняющихся частей возложена на армейский артиллерийский полк и бронепоезд. Вот по этим частям и нанесли сегодня утром удар передовые немецко-фашистские танковые дивизии.

- После того как подошли дивизии 50-й армии и примкнули к флангам обороняющихся частей, - сказал далее Иванов, - фронт стал сплошным. Все вражеские атаки были отбиты. Наши войска нанесли противнику большие потери, уничтожили много фашистских танков, но и у самих защитников Тулы много жертв.

- В командование Тульским боевым участком вступил заместитель командующего 50-й армии генерал - майор В. С. Попов, - сказал в заключение Иванов.

Надо сказать, что мы с Василием Степановичем Поповым отлично знали друг друга. Нам довелось вместе сражаться под Брестом в начале войны. Он был тогда командиром стрелкового корпуса, а я - начальником штаба 4-й армии. Затем вместе в составе 4-й армии отходили с боями от Буга до Днепра.

Со всей группой я поехал к генералу Попову, который со штабом участка занимал домик Зареченского райкома партии Тулы.

- Опять вместе и опять против Гудериана, - такими словами встретил он меня.

- Но отступить дальше нельзя, - сказал я. - За Тулу мы отвечаем головой.

Рассказывая о боях за день, Попов отметил:

- В боях за Тулу огромную, пожалуй, решающую роль сыграл зенитно-артиллерийский полк полковника М. Т. Бондаренко. Орудия и батареи полка метко разили немецкие танки. Особенно отличился выставленный на Орловском шоссе заслон из двух зенитных орудий, подбивших 14 вражеских танков. Командир заслона лейтенант Г. М. Волнянский героически погиб в бою.

- Завтра Гудериан, несомненно, будет наращивать удар на Тулу, - подчеркнул я.

- В течение ночи я перевожу в Тулу из левофланговой дивизии усиленный стрелковый полк, - ответил Попов. - Поставил на позиции дивизион «РС».

- Под утро в Тулу придет из Владимира первый эшелон танковой бригады, - обрадовал я Попова.

Штаб боевого участка имел проволочную связь со своими войсками и со штабом армии, а у Попова был телефон ВЧ для переговоров с командующим фронтом и Москвой. Поэтому я со своей группой обосновался при

штабе участка. Доложил по телефону об обстановке командующему Брянским фронтом Захарову, попросил поддержать завтра защитников Тулы авиацией.

Рано утром 31 октября я и генерал Попов выехали на южную окраину Тулы. После двухдневных дождей воздух опять стал морозным. Многочисленные лужи и ручейки подернулись льдом. Сначала мы поехали на передовой артиллерийский наблюдательный пункт, оборудованный на колокольне церкви в южной части города. В стенах церкви зияло несколько пробоин от вражеских снарядов.

В стереотрубу я видел выдвигавшиеся со стороны Косой Горы к Туле немецкие танковые колонны. Генерал Попов показал участки обороны полков и дивизий. В прозрачном утреннем воздухе с колокольни хорошо просматривалось даже простым глазом выдвижение к Туле вражеских войск.

Но вот по ним начала бить наша тяжелая артиллерия.

- Это наш брестский арtpолк полковника Маврина мстит Гудериану за Брест, - обратил мое внимание Попов.

Затем появилась наша фронтовая авиация и стала бомбить скопления вражеских войск. Противник продолжал наступление. Траншеи наших войск в это время оставались как бы безжизненными. Бойцы затаились и готовились к отражению атаки врага. Артиллерийский обстрел нашего НП заставил нас покинуть его. По опыту я знал, что крепкие стены церкви не пробиваются снарядами среднего калибра. Но находиться на содрогающейся под ударами снарядов колокольне стало невозможно. Мы спустились вниз, а затем на машинах добрались до другого НП.

Окраинные улицы города были изрезаны глубокими рвами, баррикадами. Въезды в город оцетинились металлическими «ежами». Здесь жители города вырыли несколько траншей, которые занимали теперь отошедшие к Туле войска.

Вскоре после переезда на новый НП мы увидели начало наиболее мощного в этот день танкового удара противника. Вражеские танки в развернутом строю через поля и луга устремились на обороняющиеся войска. Почти на всех танках находились автоматчики, которые вблизи наших окопов прыгивали с машин и шли вместе с танками в атаку. Атаке предшествовал сильный артиллерийский и минометный огонь. Однако самоотверженность, героизм наших бойцов и рабочих Тулы не дали вражеским войскам прорваться в город. На усиление частей, оборонявших город, был брошен прямо из эшелона танковый батальон. Зенитчики вновь своим огнем закрыли вражеским танкам пути в Тулу. В тот день мне удалось увидеть у Орловского шоссе стрельбу по танкам 85-мм зениток батареи лейтенанта Миловидова. Фашистские танки в страхе метались под огнем зенитных

орудий и один за другим вспыхивали, как свечи. Немало танков уничтожили наши пехотинцы и бойцы - рабочие, вооруженные противотанковыми ружьями, гранатами и бутылками с горючей смесью.

Больше трех часов продолжался вражеский штурм. К атакующим танковым дивизиям присоединились пехотные дивизии. И именно в этот момент генерал Попов дал сигнал для удара дивизиону «РС».

Надо сказать, что почти никто из нас еще не видал в действии этих новых минометов, которые позже стали называться «катюшами». Противник, конечно, ничего не знал о них.

Хлынувший высоко через головы наших войск каскад ярких огненных мин, с грохотом разрывавшихся среди атакующих войск противника, буквально ошеломил их. Вражеская пехота в панике побежала назад, за ней стали отходить и танки.

Воспользовавшись наступившим относительным затишьем, я и Попов съездили в стрелковые дивизии генерал - майора К. П. Трубникова, генерал - майора Я. С. Фоканова, полковника Н. В. Ревякина и полковника В. Н. Хохлова. Командиры доложили, что части дивизий успешно отразили вражеские атаки, но понесли значительные потери, тем не менее людей и вооружения теперь было больше, чем вчера.

- Подходят с прежних оборонительных рубежей, - пояснил Попов.

- Почти все командиры подразделений и красноармейцы жалуются на нехватку противотанковых ружей и гранат, - подчеркнул присоединившийся к нам член Военного совета армии бригадный комиссар К. Л. Сорокин

Из дивизий я и Попов поехали в Тульский кремль. Там сосредоточилась выгрузившаяся из эшелонов 32-я танковая бригада. Половина танков оказалась устаревшей марки «БТ», остальные машины были новые, но с 20-мм пушкой. Попов сокрушенно вздохнул.

- Что же вы прислали для борьбы с танковыми дивизиями Гудериана такие танки? - укоризненно обратился он к сопровождавшему меня начальнику автобронетанкового управления фронта полковнику Е. Е. Кабанову...

... Поздно вечером стала собираться моя группа. Первым явился полковник А. И. Прошляков - заместитель начальника инженерных войск фронта.

- Недостаток мин принудил нас сооружать на окраинных улицах особые подвижные шлагбаумы с прикрепленными к ним минами, - доложил он. Шлагбаумы можно быстро передвинуть для перекрытия соседних улиц. На некоторых улицах возведены противотанковые препятствия в виде многоярусных штабелей из ваты. Ожидаем получения высланных в Тулу мин.

Вторым пришел комиссар штаба фронта полковой комиссар В. Н. Кузнецов. Он перечислил части, в которых побывал. Бойцы, по его словам,

держатся стойко, но для борьбы с танками имеют лишь гранаты да бутылки с горючей смесью.

В это время к нам зашли секретарь Тульского обкома партии В. Г. Жаворонков и председатель облисполкома Н. И. Чмутов.

- Сегодня вы видели, как коммунисты и комсомольцы, да и все жители Тулы, подготовили для обороны свой город и как обороняют его, - обратился ко мне Жаворонков. - Чем, по - вашему, мы еще можем помочь войскам?

- Помогите ремонтировать танки и вооружение, - попросил я.

Ночью я доложил о тяжелом положении под Тулой Василевскому.

- Под Москвой угрожающая обстановка, но все же Ставка повернула одну идущую к Москве с Дальнего Востока дивизию в Тулу, - сообщил он.

1 ноября под Тулой еще громче, чем накануне, гремели пушки, еще мощнее рокотали минометные залпы. Гудериан бросил на штурм города основные силы танковой армии. Несколько раз в течение дня возобновлялись атаки немецких танковых и пехотных дивизий. Но снова и снова с большими потерями откатывались они назад, оставляя на поле боя десятки горящих танков.

В первых числах ноября в районе Тулы начали разгружаться головные эшелоны 413-й стрелковой дивизии.

- В дивизии двенадцать тысяч человек! - восторгались в штабе участка. - А как вооружена, сколько у нее артиллерии, противотанковых ружей! Бойцы - в основном сибиряки - одеты, как на маневры, выправка парадная.

3 ноября один полк дивизии занял оборону у южной окраины Тулы. Стала на позиции дивизионная артиллерия. Вот когда с облегчением вздохнули руководители обороны Тулы и все ее защитники. А 4 ноября, когда дивизия заканчивала сосредоточение, мы приняли решение нанести 7 ноября контр-удар по вражеским войскам, отбросить их от Тулы. Горячее участие в подготовке удара против немецко-фашистских войск под праздник приняли В. Г. Жаворонков и Н. И. Чмутов.

4 ноября наши войска тщательно готовились для предстоящей атаки. Погода стояла ясная. Земля была скована небольшими морозами, а местами в виде белых пятен покрыта снегом. Я пробрался на НП 413-й дивизии. Командир дивизии генерал - майор А. Д. Терешков уточнял задачи частям. Невысокого роста, заметно прихрамывающий на одну ногу, он быстро перемещался по траншеям из одного полка в другой.

Атаку дивизии он подготовил отменно.

На другой день - накануне праздника Октябрьской революции противник перенес свои атаки на участки севернее и южнее Тулы. Отчаявшись овладеть Тулой с фронта, он решил обойти ее с флангов.

Днем 6 ноября в Тулу приехал генерал Ермаков и предложил мне посетить его штаб.

- Под Тулой становится спокойнее, давайте решать, как противодействовать фланговым обходам врага, - говорил он.

Два дня я находился в штабе Ермакова. Войска армии на флангах были своевременно усилены и дали врагу достойный отпор. Опасность там на время миновала. Я возвратился в Тулу к Попову. Несколько раз противник вновь пытался обойти Тулу с флангов, со стороны Деилова и Суходола, но без в целях объединения усилий по обороне Москвы Ставка решила включить 50-ю армию в состав Западного фронта. А 14 ноября, на другой день после передачи армии, я выехал со своей группой в Елец, где располагалось управление фронта...

Л. М. Сандалов, генерал - полковник, бывший начальник штаба Брянского фронта.

«Коммунар», 4 ноября 1966 г. , № 258, стр. 3-4

«Залпы 702-го»

Семьсот второй артиллерийский полк осенью 1941 г. начал боевые действия в районе Мценска. 21 октября он получил приказ сняться с позиций у д. Большая Каменка и следовать в Тулу для участия в обороне города. Марш пришлось совершать в условиях действия немецкой авиации и танков. Последние буквально наседали нам на пятки. Артиллеристы то и дело разворачивали орудия и отстреливались.

Наконец, 26 октября мы с ходу заняли боевые позиции южнее артиллерийского училища, на окраине Тулы. Но ненадолго. Пришлось позиции менять. На следующий день мы были уже на северной окраине д. Старое Басово, а 28 октября - в районе Ясной Поляны. Здесь фашисты предприняли на нашем участке провокацию. Они бросили десант автоматчиков, переодетых в красноармейскую одежду, на шести танках Т -34. Вероятно, рассчитывали так ворваться в Тулу. Но провокация не удалась. Когда танки поравнялись с нашей третьей батареей, которой командовал старший лейтенант Алексеев, и обстреляли ее, наши вторая и третья батареи открыли по ним ответный огонь. Четыре танка были подожжены, два удрали обратно.

В дальнейшем полк участвовал в боях непосредственно в районе Тулы.

29 октября наши батареи занимали огневые позиции на южных подступах к Туле. Ночь на 30-е использовали для передислокации, улучшения позиций, устройства противотанковых заграждений.

Погода стояла плохая. Моросил дождь. Видимость для стрельбы прямой наводкой по танкам и самолетам успеху не способствовала. Но эта погода в

какой - то мере служила и нам: она прикрывала наши войска от воздушной и наземной разведки противника, способствовала скрытой смене позиций.

Менять позиции было необходимо. А транспорта для этого у нас недоставало. В частности, во второй батарее имелась всего одна автомашина. А ведь нужно было пополнять боеприпасы. Туляки оказали нам большую помощь. Уже 30 октября батарею обслуживало более десяти автомашин. Управляли шоферы - добровольцы из тульских гаражей.

С прибытием в Тулу штаба 50-й армии стало налаживаться более четкое управление артиллерией. 702-й противотанковый артиллерийский полк получает задачи, в соответствии с которыми его орудия располагаются в районе тульского парка, Московского вокзала, а затем, когда враг пытается форсировать р. Шат,- в районе д. Присады и Криволучья. Затем вторая батарея действует на Масловском направлении, где отражает попытки противника форсировать р. Упу и овладеть ст. Плеханове

Только 4 ноября здесь мы отбили несколько попыток гитлеровцев переправиться через Упу. В этот день вторая батарея много раз меняла огневые позиции.

Батарея то и дело подвергалась атакам немецких самолетов. В одну из таких атак один «Юнкерс -88» был нами сбит.

На позиции в Клоково батарея за три часа отбила семь непрерывных атак вражеской авиации. От интенсивной стрельбы стволы орудий разогрелись, орудия вышли из строя.

Вечером взамен этой техники мы получили новые 85 мм зенитные пушки.

Шестого ноября одно орудие второй батареи было установлено на углу улиц Октябрьской и Луначарского, второе - у входа на завод «Штамп», два остальных - в районе Белых ворот (в конце ул. М. Горького). Все приготовлено для отражения танковой атаки противника.

Гитлеровцы то и дело бросали на город самолеты, обстреливали его из артиллерии и минометов.

7 ноября батареи полка сосредоточиваются на юго-восточной окраине Тулы. В этот день часть войск 50-й армии атаковала фланги противника. Не исключалась возможность атак врага на южных подступах Тулы. Наши батареи вместе с другими войсками должны были парировать возможный натиск врага.

43-й армейский корпус противника усиленно рвался на шоссе Тула - Москва. Вторая батарея выдвигается в деревню Варфоломеево. 12 ноября здесь мы ведем ожесточенный бой с танками фашистов. 13 ноября бой продолжается. Враг вынужден отступить. Фашисты пытаются обходным ма-

невром через Луковицы все же выйти на шоссе Москва - Тула. Но артиллеристы срывают и этот их замысел.

И снова смена позиций. Мы в районе кирпичного завода, д. Обидимо, потом в Плеханове, Хрущеве, Барсуках,- везде, где возможно появление фашистов.

В момент наступления 53-го армейского корпуса немцев на Сталиногорск и Венев 702-й полк получил задачу выйти в район Венева. Командир полка майор Валиев был назначен начальником артиллерии Веневского направления.

21 ноября полк занял боевые позиции в районе д. Семьянь, что на дороге Сталиногорск-Венев. На следующий день здесь произошел ожесточенный бой. Вторая батарея прямой наводкой поражала танки фашистов. Она отбила несколько атак врага. На поле боя пылали десятки гитлеровских танков.

Одно за другим выходили из строя и наши орудия, гибли люди. Пал смертью храбрых комиссар батареи старший политрук Григорий Налетов. Павших в бою захоронили в д. Хавки, километрах в 4-6 юго-западнее Венева. И снова бой...

В районе Венева 702-й полк сражался с превосходящими силами врага до поры, пока в строю оставалось последнее орудие. Когда было подбито и оно, личный состав дрался с фашистами, вооружившись винтовками и карабинами.

Ко времени наступления наших войск на Западном фронте полк получил новые пушки и двинулся на запад. За бои в районе Тулы ему было присвоено звание гвардейского.

Бывший командир 2-й батареи 702-го артиллерийского противотанкового полка резерва Главного Командования полковник запаса С. Родионов.

«Коммунар», 9 декабря 1966 г. , № 286, стр. 3.

Беседа с тов. Курулевым Сергеем Георгиевичем - начальником управления Связи Тульской области

От 20 июня 1942 г.

Тов. Курулев: Родился в 1904 г. Начальником Управления Связи работал до войны и сейчас работаю.

В тяжелые для Тулы дни мы представляли из себя не только работников связи, обязанный обслуживать воинские части, но и выполнять роль разведчиков. Мы обязаны были не только соединять и исправлять телефонную связь, но и наши связисты следили за поведением противника, при появлении противника наши разведчики бежали к первому телефону и звонили нам, а мы сообщали воинским частям и в Комитет Обороны.

Когда Туле угрожала непосредственная опасность, перед нами был поставлен ряд задач и мы с этими задачами справились неплохо. У нас имеются такие характерные факты, как, например, в Веневском районе дежурная телефонистка - молоденькая девушка, а в прошлом воспитанница детского дома, по фамилии Савина, когда связь была прервана, пошла за 18 км, чтобы сообщить, что немецкая разведка направилась в Тулу.

В Ивановско было такой случай, что телефонистка Керосинская сидела до тех пор, пока не пришли немцы, тогда она ушла.

Мы докладывали также военному командованию, когда прерывалась связь с районом, это говорило о том, что противник вошел в этот намеченный пункт. Если связи с районом нет, значит там противник. Когда в районный центр входила немецкая разведка или немецкие войска, наши люди сообщали нам, а мы докладывали военному командованию и в Комитет Обороны. Вообще, как правило, во всех районах определенная группа людей сидела до последней возможности. Когда немцы входили в районный центр, наши работники уничтожали оборудование и предупреждали нас о том, что работу закончили. Такое положение по всем города и районным центрам: оставались наши телефонистки даже тогда, когда представители местной, партийной и советской власти уезжали, но телефонистка сидит, иногда плачет, но все-таки сидит. Такой случай был в Тарусе, в Товаркове, когда все уехали, а телефонистки сидели для того, чтобы дать знать Туле, где находятся немцы.

Как обстояло дело в Туле? Тут случилось все молниеносно: мы имели связь с Плавском, через несколько часов мы ее потеряли, затем потеряли связь со Щекино, мы послали людей проверить, в чем дело, когда наши люди доехали до Щекино, оказалось, что немцы прошли Плавск и пошли на Щекино, а наши люди сидели в Плавске в подвале и не заметили, что немцы пришли и обнаружили это, когда немцы были уже в Щекино. Люди оказались в кольце. Наш начальник связи погиб.

В ночь на 29 октября отдельных работников, которые нам не нужны, мы отпустили, осталось всего только 12 человек - 4 телефонистки и 8 человек монтеров - техников. С ними мы и работали. Девушки сидели по несколько суток не выходя с телефонной станции. До приход воинской части наши монтеры исправляли разрушенную линию связи. Когда воинские части пришли, к нам они посадили своих связистов за наше оборудование, но у них сначала ничего не получалось, т.к. оборудование сложное и пришлось нашим телефонисткам не только обслуживать воинские части, но и учить военных товарищей как пользоваться оборудованием. Причем нужно добавить, что одна телефонистка имела грудного ребенка, работала не сменяясь 4 суток, бойцы помогали ей качать ребенка.

Как вам известно весь народ выехал в Заречье и когда мы, связисты, выехали за реку, то наши девушки остались и обслуживали воинские части, хотя наша миссия была закончена: с приходом воинской части наша работа заканчивалась, но поскольку они не справлялись, мы им все время помогали.

Все, что требовало военное командование, Комитет Оборона мы выполняли очень быстро, отдельные люди у нас работали по 2-3 суток в поле, несмотря ни на какой мороз, особенно трудно было в ноябре сеч., некоторые сильно обморозились, но все-таки работали, мы все время исправляли повреждения из-за обстрела линий связи и сооружений связи, но наш народ, не боясь мороза, вьюги, ночью и днем, старался быстро все восстановить.

В период окружения Тулы, когда мы имели связь только с Москвой, мы эту связь очень долго держали, частью она шла по железной дороге, а частью по шоссе. Когда железная дорога была занята, здесь связь была потеряна, затем было перерезано Московское шоссе и здесь наши люди проявили большую отвагу, они пробрались в тыл к немцам, восстановили связь, не смотря на то что, что территория была занята немцами, связь с Москвой мы продолжали иметь. Когда же мы оказались отрезанными ото всего мира, то наши люди опять не растерялись: у нас шли высоковольтные провода не по железной дороге, а полем, эти провода мы сумели использовать, (они шли на Каганович и Каширу) и таким образом, Тула ни на минуту не теряла связи с Москвой.

В это время самоотверженно работали техник Мышатский, техник Леоньков, надсмотрщик Кретов, с ним произошел такой случай, когда нужно было держать связь с Анишино, а эта связь порвалась, он был послан с шофером, до известного участка они ехали, затем Кретов пополз, нашел порчу, исправил, затем сообщил, что видит немцев, залег в снегу и сутки пролежал, затем дошел до одной деревни, забрался в погреб, просидел там трое суток, когда немцы ушли из этой деревни, он опять вернулся к линии и сообщил, что придет, когда будет возможность.

В Лаптеве хорошо связисты работали, они вообще не уходили из районного центра, а партийные и советские организации уходили, наши связисты все время шли за частями Красной Армии, которые подчас не знали, где лучше обойти, наши связисты показывали, за что получили благодарность от командования армии, так начальник связи Букшин много положил труда для того, чтобы обеспечить связь с Красной Армией.

«Огневая завеса» Из воспоминаний помощника командира

бронепоезда № 16 С. А. Зобкова

Не ранее второй половины декабря 1941 г.

В октябре фашистские войска еще имели преимущество в танках и отчасти в авиации. Пресловутые гудериановские войска продолжали ползти вперед, истекая кровью. Они хотели с ходу захватить Тулу, рассчитывая здесь получить квартиру на зиму, чтобы отдохнуть, совершить прыжок к Москве. Но осуществление авантюрных планов зависело не только от гитлеровских генералов. Красная Армия, отступая, переходила в контратаки, задерживая и громя фашистские войска. В нужных, выгодных местах наша армия занимала прочную активную оборону. Придавая огромное значение Туле, советское командование решило защищать город, превратив его в крепость, о которую разбила бы себе лоб германская военная машина.

29 октября 1941 г. фашистские полчища после кровопролитных боев подошли к подступам города. Они сразу же были «любезно» встречены нашими артиллеристами. В сторону врага летела туча раскаленного металла.

Нашему бронепоезду было поручено защищать один из основных участков. С юга к городу подходило Воронежское шоссе. Бронепоезду поручили защищать юго-западные подступы к городу, держать под непрерывным огнем Воронежское шоссе, по которому двигались разбойничьи бронированные чудовища. Бронепоезд под командованием смелого энергичного, инициативного командира капитана Коржевского выехал на открытую позицию в пос. Криволучье. Капитан быстро установил наблюдательный пункт.

Орудия точно пристреляны по шоссе к близлежащим населенным пунктам. Каждый раз, когда фашисты предпринимали «решительное» наступление, на их головы обрушивались лавины огня. Несмотря на то, что в предыдущих атаках фашисты несли огромные потери, они все же не отказывались от своей задачи. Не считаясь ни с какими потерями, враг организовывал одну за другой атаки, рассчитывая сломить волю защитников Тулы. В одну из таких атак бронепоезд всей мощью своих пушек обрушился на врага. Капитан Коржевский и младший лейтенант Смирнов умело корректировали огонь. Быстро менялись прицелы, переносился огонь то в глубь расположения врага, то на его фланги. Артиллеристы приложили все свое умение, выучку, работая с автоматической быстротой, но это не было машинальным выполнением своих заданий. Все были охвачены одним желанием - больше уничтожить фашистов и их техники.

Своей дружной работой орудийные расчеты сержанта Пучкова, Козменкина, Нестеренко, Казмирова помогали славным пехотинцам отбивать атаки озверелого врага. Командир орудия сержант Пучков быстро принимает и исполняет команду. Лейтенант Зорков своевременно и четко подает

команду. Заряжающий красноармеец Мартынюк с большой любовью относится к своему делу. Несмотря на мороз, его лицо покрыто потом. Он моментально устанавливает трубку, быстро подает снаряды. Наводчик красноармеец Куколь точно и вовремя устанавливает прицел. В результате огневого налета было разбито 13 автомашин, уничтожен склад с боеприпасами, подавлен ряд пулеметных и минометных гнезд и батарей, убито 800 фашистов. Однако фашисты, видя, что город в лоб не взять, решили окружить его, взять в клещи, чтобы отрезать от внутренних районов страны.

Враг медленно пытается охватить город с юга.

Бронепоезд получает задание - с боем разведать обстановку. Весь личный состав готовится к встрече с врагом. Механики ст. сержант Юсов, Выходцев тщательно проверяют и готовят паровоз к предстоящему налету. Пулеметчики готовят пулеметы, подготавливают ленты. Капитан Коржевский объясняет личному составу обстановку, знакомит с полученным заданием. Все готово к бою. Комиссар поезда политрук Кирилюк обходит боевые места, проверяет готовность расчетов к бою. Командир и комиссар своим спокойствием и бодрым словом воодушевляют личный состав. Медленно и осторожно поезд движется туда, где предполагается наличие - врага.

В районе Присады было обнаружено перемещение мотопехоты противника. На открытом поле машины тянули пушки, высаживали солдат, выгружали минометы. Наш бронепоезд укрылся в железнодорожной выемке и оттуда все вели наблюдение, готовые по команде обрушиться на врага всей мощью бронепоезда. В момент, когда концентрация войск достигла предела, капитан Коржевский подал команду: «По фашистам огонь!»

Вся огневая сила, весь механизм поезда пришли в движение. Подобно громовому раскату, ответил наш коллектив на попытку немецких вандалов продвинуться по нашей земле. Огнем дышали орудия. Свинцовый ливень мыл грязных фашистских солдат. Прямой наводкой артиллеристы расстреливали пехоту, машины, технику врага. Поле покрылось густой сетью разрывов, пороховым дымом. Попытка наступления была сорвана.

Комитет обороны г. Тулы высоко оценил действие бронепоезда по защите юго-западных подступов к городу.

ГАУ ТО Госархив ТОАНИ, ф. Р -2230, оп. 1, д. 11. лл. 18-20. Заверенная копия.

**Из очерка бывшего начальника политотдела танковой бригады Д. Кочеткова о боевом подвиге Героя Советского Союза В. А. Григорьева
«Он защищал Тулу»**

Мне хочется рассказать тулякам о подвиге замечательного паренька, служившего в нашей танковой бригаде. Речь идет о бывшем водителе танка «КВ» Герое Советского Союза Викторе Антоновиче Григорьеве. Прибыл он в бригаду из Казани, где живет и работает и сейчас.

Расскажу только один эпизод из боевой жизни Григорьева.

Было это под Тулой в декабре 1941 года.

... Высоко над лесом взлетела ракета, на миг застыла в морозном воздухе и пошла вниз, рассыпаясь на тысячи искр. И сразу же зарокотали моторы танков. Глубоко, до самой промерзшей земли взрывая снег, двинулись вперед боевые машины.

А в это время старшина Григорьев со своим боевым товарищем выдвинули танк к шоссе на Тулу, замаскировались и ждали врага, который озверело рвался к Москве.

Белая громада танка сливалась с заснеженным лесом, с высокими сугробами. Строгие глаза Виктора Григорьева выражали нетерпение. Он облокотился на холодную сталь и смотрел на высокие трубы заводов, серые прямоугольники домов, клубы дыма над ними. Тула - не его родина. Но он чувствовал, что любит ее, этот старинный город, как любит родную Москву, как всю родную землю. Далекие дымки разрывов вражеских снарядов больно отзывались в сердце.

Мороз крепчал. Потрескивал лес. И вдруг послышался гул.

- Немцы,- сообщил Григорьев Шабунину.

Шабунин кивнул головой:

- Немцы.

Танкисты бросились в машину. Поворачивается пушка. За прицелом орудия - политрук Василий Шабунин. В смотровую щель видно, как по дороге идут 7 немецких танков, пушки, штук 30 автомашин с пехотой.

- Много? - спрашивает Григорьев.

- Ничего,- отвечает Шабунин,- для нас хватит.

Бой начался громовым выстрелом из танковой пушки. Снаряд уничтожил головной немецкий танк, остальные сейчас же открыли огонь. Второй снаряд разрывает башню второго танка врага. Черные клубы дыма обволокли машину.

Шабунин ведет огонь мастерски, расчетливо, хладнокровно. Третий снаряд бьет по третьему танку. В это время осколком заклинивает пушку. Стрелять нельзя. Григорьев ранен. Отходить? Но ведь сзади Тула, а за ней Москва.

Нет, отходить нельзя!

- Комиссар,- кричит Григорьев,- иду на таран.

- Действуй! - отвечает Шабунин.

Танк срывается с места. По броне ударил снаряд и с визгом отлетел в сторону.

- За Тулу, за Москву, за Родину! - кричит Григорьев.

Нелегко обмороженными руками держать рычаги, но Григорьев не обращал внимания на боль.

- Только вперед! Давить гадов, беспощадно давить! - с такой мыслью он направил свой «КВ» на передний танк врага и опрокинул его в кювет.

В смотровую щель Григорьев видит, как суетятся у противотанковой пушки растерявшиеся фашисты. Успеют ли они выстрелить? Медлить нельзя, исход боя решают секунды. Григорьев до предела увеличивает скорость и всей мощью, какая была еще в израненной машине, врывается в противотанковую пушку, мнет ее, потом - вторую, затем врывается в колонну автомашин. Немцы разбегаются по сторонам. Трещат борта машин, звенит металл, бешено ревет мотор. Григорьев раздавил уже 12 автомашин, но впереди есть еще, надо раздавить все до одной!..

- Молодец, Виктор! - одобрительно кричит Шабунин,- давай теперь разворачивайся, а то в зад гады бьют, моторную группу могут вывести из строя...

Григорьев делает разворот и снова мчится по дороге. Навстречу летят пули, снаряды, но Григорьев не замечает их. В гущу вражеской техники со всего хода вновь врывается «КВ». Тяжелые гусеницы мнут машины, давят гитлеровцев.

... На дороге осталось четыре немецких разбитых танка, две раздавленных пушки, 20 транспортных машин и несколько десятков трупов гитлеровских солдат и офицеров.

Таков был итог боевой работы за один только день Виктора Григорьева и Василия Шабунина.

Таран Григорьева и Шабунина был одним из первых танковых таранов на Западном фронте.

Механик - водитель старшина Григорьев не считал, что сражался героически. Уже после вручения ему ордена Ленина и Золотой Звезды Героя мы попросили рассказать молодым танкистам о своем подвиге. Григорьев заговорил о политруке Василии Федоровиче Шабунине, награжденном орденом Красного Знамени, о товарищах, о замечательных качествах боевой машины...

Д. Кочетков, полковник запаса, бывший начальник политотдела танковой бригады.

«Коммунар», 24 января 1965 г. , № 19, стр. 3.

Из воспоминаний участника обороны Тулы Воронина Ф.Г. о боевых делах 156-го полка НКВД
Крепче стали и бетона

... Суровая, дождливая осень 1941 года. Обстановка на фронте очень тяжелая. День и ночь на нашей земле гремели упорные, кровопролитные бои.

Фашистские части, захватив г. Орел, устремились к сердцу нашей Родины - Москве. На их пути Тула - родина русского оружия. Гитлеровский генерал Гудериан мечтал взять ее с ходу и триумфальным маршем, по Орловскому шоссе, на танках войти в Москву.

В ночь на 26 октября 156-й полк НКВД, которым командовал майор С. Ф. Зубков, был поднят по тревоге. Перед бойцами и командирами поставлена задача занять район обороны в южной части города, оседлать Орловское шоссе и не допустить фашистские части в Тулу. Оборонительные сооружения были уже подготовлены населением города. Подразделения заняли их. Штаб полка расположился в полуподвальном этаже здания механического института, боевое охранение выдвинулось вперед. Наш сосед слева - Тульский рабочий полк.

28 октября разведка полка (командир капитан Сенин) доложила, что танки врага в районе Ясной Поляны обошли наши части и сосредотачиваются в пос. Косая Гора. Слышалось зловещее рычание моторов. Намечалась неравная и жестокая схватка.

В районе обороны нашего полка настороженная, тревожная тишина. На второй день эта прифронтовая тишина была нарушена гулом моторов в воздухе. Над линией обороны кружатся вражеские разведчики.

Долго тянулся этот день. Вечером командование полка приказало отвести личный состав на запасные позиции. Страшной была ночь под 30 октября. Фашистские изверги на оборону нашего полка обрушили шквал артиллерийского и минометного огня. Разрывы мин и снарядов сотрясали землю, от орудийной пальбы содрогалось здание института. Много тонн металла фашисты выбросили на пустые окопы и блиндажи, на безлюдные позиции первого эшелона нашей обороны.

Рано утром 30 октября немцы предприняли первую танковую атаку. С рассветом к переднему краю нашей обороны поползли вражеские танки. За ними мчались мотоциклисты и пехота. Нахальные фрицы шли во весь рост и отчаянно падали из автоматов.

Гитлеровское командование было уверено, что огневым шквалом и трескотней автоматов они подавят наши позиции, вызовут панику среди защитников Тулы и на наших плечах ворвутся в город...

Попытка с ходу овладеть Тулой провалилась. Ряды бойцов 156-го полка НКВД и других частей не дрогнули. Каждый воин понимал: на каждом огневом рубеже решается судьба нашей Родины.

На фашистские танки летели связки гранат и бутылки с горючей смесью. Доблестные воины тт. Шахов, Карпуков, Андреев и Тришкин из противотанковых ружей в упор расстреливали фашистские машины.

Фашисты в панике отошли, оставив на поле боя около десяти танков и больше двухсот солдат и офицеров.

Несмотря на большие потери, гитлеровцы неоднократно возобновляли атаки. В бой бросались новые силы и техника.

Ночью второго ноября фашисты предпринимает «психическую» танковую атаку. К переднему краю обороны нашего полка на больших скоростях двинулся эшелон фашистских танков с зажженными фарами. Воздух наполнился невероятным шумом моторов. Танки шли без выстрелов. Враг рассчитывал подействовать на наших бойцов ярким светом фар, грохотом металла и ревом моторов. Вот они уже недалеко от нашего переднего края обороны. Прожекторы осветили наши окопы. Фашистские офицеры открывают люки и орут: «Рус, сдавай! Хенде хох!» По окопам в это время из уст в уста, от бойца к бойцу уже передан приказ командира батальона майора Потетюрин: «Без команды не стрелять!»

Это было трудное испытание. Нужно было иметь стальные нервы, чтобы не нажать гашетку пулемета, не спустить курок противотанкового ружья, не бросить связку гранат или бутылку с горючей смесью. Казалось, никакая сила не сможет сдержать нервы бойцов.

И вот в небе рассыпалась ракета, и раздалась долгожданная команда: «Огонь! Смерть немецким оккупантам!»

Танки забрасывались связками гранат, бутылками с горючей смесью. Гитлеровские машины остановились. Некоторые загорелись. Через наши головы с воем летели снаряды, посылаемые друзьями - артиллеристами.

Яростные атаки немецко-фашистских войск продолжались до 10 ноября. Защитникам Тулы приходилось отбивать по 4-5 атак ежедневно.

Гитлеровцам удалось занять пос. Рогожинский. Они стремились проваться в город через Всехсвятское кладбище.

9 ноября батальон старшего лейтенанта Макарова во взаимодействии с Тульским рабочим полком выбил врага из пос. Рогожинский. Гитлеровцы оставили там более 500 убитых солдат и офицеров. В этом бою особенно отличился пулеметный расчет сержанта Мартынова. Старший политрук, секретарь партбюро полка В. В. Панов шел в бой впереди подразделения. Своим примером он увлек вперед товарищей по оружию...

6 декабря вместе с войсками Западного фронта наш 156-й полк перешел в наступление. Бойцы полка не давали опомниться врагу, днем и ночью гнали его на запад, освобождали деревню за деревней: Бежки, Морозовка, Верхние Присады, Озерки, Сергиевское, Трушино, Каменка, Подосинники, Ломинцево...

Освобождение ст. Присады не входило в задачу нашего полка, но младший лейтенант Лавренко с 12 бойцами занял ее, уничтожив там фашистских автоматчиков.

В бою около дер. Малая Кожуховка был смертельно ранен командир роты капитан Малышков. Тяжело ранены командиры отделений Верба и Шербалдак. Произошло замешательство. Бойцы подразделения нашего полка и соседи 111-го стрелкового полка залегли на открытой местности.

Нужно было немедленно вывести их из зоны огня противника. Я принял командование ротой. Вырвавшись вперед, поддал команду: «Вперед за Родину!» и увлек бойцов в дальнейшее наступление.

Подразделения нашего и соседнего полка ворвались в дер. Шевелевка, а на рассвете 17 декабря - в дер. Старая и Новая Колпна. Затем мы участвовали в освобождении г. Щекино.

Можно без преувеличения сказать, что каждый бой за Тулу рождал десятки и сотни героев.

Не случайно в кармане разведчика нашего полка коммуниста Андросова, павшего смертью храбрых в бою за дер. Верхние Присады, было найдено письмо, в котором он писал: «Вступая в бой, я, как коммунист, заверяю командование, что буду драться храбро, умело и с достоинством, не щадя своей крови и самой жизни для полного уничтожения коричневой чумы. Прошу только об одном: после разгрома фашизма сообщить моим родным, что я погиб за дело Ленина, за Родину».

Бойцы, командиры и политработники 156-го полка НКВД вписали славную страницу в историю разгрома фашистов под Москвой и обороны г. Тулы. В период наступления полк освободил от фашистских извергов 25 населенных пунктов, нанес врагу ощутительные потери в живой силе, захватил много техники и боеприпасов.

Родина высоко оценила подвиги наших бойцов, командиров и политработников, наградив полк орденом Красного Знамени.

Ф. Воронин, подполковник в отставке, участник обороны г. Тулы.

«Коммунар», 16 декабря 1965 г., № 296, стр. 3.

Савченко Федор Антонович

Тула обороняется

До Тулы оставалось километров тридцать. Время терять нельзя. Надо успеть туда проскочить быстрее немцев, чтобы не пробиваться через фронт. Мы надеялись, что такой фронт обязательно будет. Не может быть, чтобы наши войска не подготовили оборонительной линии в глубине!

Все согласились одним переходом дойти до Тулы. Этот форсированный бросок физически был самым трудным и для меня, и для остальных. Некоторое утешение - немцы нас не беспокоили. По пути к нам присоединилось несколько групп.

При подходе к Туле в группе оказалось около сотни человек, и у меня рождались, как говорят, «полководческие» замыслы. Нам в училище объясняли, что войдя в город, надо, прежде всего, захватить телеграф, телефон, железнодорожную станцию, склады. Уже прикидывал, кого куда направить и что сделать, если в городе не будет ни наших войск, ни противника. Представлял себя в роли руководителя обороны Тулы! Боже! Куда не занесет лейтенантская мечта о жезле полководца!

В действительности все оказалось значительно проще и прозаичнее. На окраине города

нас встретил патруль. Слава богу! Наконец-таки регулярные войска! Разговорились. Да, войска в Туле есть. Разрозненные части 50-й армии. Их мало. Идет формирование подразделений из выходящих, вроде нас, и жителей города. А почему мука и крупа рассыпаны по городу? Да, вот, случилась паника. Грабанаули магазины и склады. Теперь все налаживается.

На пункте сбора, куда мы прибыли, лицом к лицу столкнулся с знакомым капитаном из тыла нашего полка. Он уже занимал должность начальника продовольственного отдела. Как он успел оказаться здесь? О командире полка ничего не мог сказать, но точно знает, что все гвардейцы должны направиться в Москву. Якобы такой приказ товарища Сталина. А почему здесь? Временно...

Наша большая группа распалась. Со мной остались только 10 гвардейцев. Вскоре, конечно, не без доклада нашего тыловика, меня вызвал полковник - начальник пункта сбора - и сказал:

- Я знаю, что вас, гвардейцев надо направлять в Москву. Товарищ Жаворонков - секретарь горкома - тоже знает об этом. Но положение очень тяжелое. Регулярных войск в Туле очень мало. Развернуто несколько зенитных батарей. Надо пока остаться. Товарищ Сталин приказал Тулу не сдавать! Немцы уже недалеко от города.

Я промолчал и потом спросил: «Что я должен делать?»

- Покомандовать сутки - двое сводным батальоном, - ответил полковник.

- Я ведь не пехотинец.

- Понимаю, но насколько я успел узнать, вы прекрасно организовали вывод большой группы наших людей!

- Там были другие условия.

- Освойтесь. Это ненадолго. При первой возможности вас и ваших гвардейцев направим в Москву.

- Ну, что ж, раз я «незаменимый полководец», то вынужден согласиться.

- Правильно. Тем более, что из Тулы в сторону Москвы никого не выпускают. Развернуты заградительные отряды.

- Не пугайте, товарищ полковник. Если понадобится пройдем любые заградотряды. Это так к слову. Что прикажете делать?

... Утром я осмотрел строй батальона в составе трех рот. Человек триста. Командиры рот, взводов... Все как полагается. Но вооружение! Всего один ручной пулемет. У остальных винтовки и карабины. Кое у кого гранаты. Удивила третья рота. Все были в гражданской одежде и, как правило, изношенной. Некоторые без головных уборов. Лица помятые, некоторые явно навеселе. Присматриваюсь к винтовкам. Да, ведь они старые-престарые. Конечно из залежалого арсенала! Ну и воинство! Оказалось, что эта рота сформирована из выпущенных уголовников. Винтовки, похоже, действительно, из арсенала. Вручено по двадцать патронов. И почти вся ночь была отдана Бахусу! Да! С такими повоюешь. Но они бодрились. Один громко высказался:

- Не бойсь начальник! Мы фрицев вшивых враз прикончим. Попадись они, стервецы, к нам!

Что и говорить - пламенная обнадеживающая речь! Попросил полковника заменить третью роту.

- Другой пока нет, - был ответ, к вечеру сформируем из рабочих, тогда заменим.

- Какая задача батальону?

- Простая. Перекрыть эту и эту улицы, - показал он на плане города, - туда проводит вот этот товарищ (кивок в сторону стоящего рядом гражданского человека). Обязательно смените охрану спиртзавода. С заводом беда! Уничтожить жаль. В охрана выдерживает 10-12 часов. Спивается.

... Прошли улицу, кажется, Карла Маркса. На одной из площадей стояла на огневой позиции 85-мм зенитная пушка с расчетом. И то хорошо!

Через час батальон развернулся на указанном рубеже. Порядок обороны города я толком не знал. Не учили. Понимал, что надо держать под обстрелом улицу, соседние дома. Рассредоточил людей повзводно. Своих гвардейцев держал при себе - как бы управление батальона. Один взвод (военных) послал на охрану спиртзавода. Один взвод в резерве. Вроде, получился какой-то боевой порядок. Даже сам обрадовался. Потом неожиданная радость - протянули провода и поставили телефонный аппарат. Связь с соседним подразделением и каким-то начальником. Все прекрасно.

В городе, кажется, где-то в районе улицы К. Маркса послышался пушечный выстрел, потом другой. Кое-кто из моей команды тоже, за компанию, пострелял из винтовок неизвестно куда. На этом все затихло.

О водке пронюхала третья рота. Поступала одна просьба за другой, отлучиться на пяток минут. Вскоре рота исчезла. Да и остальные были не очень-то управляемы. На следующий день позвонили по телефону, чтобы я со своими гвардейцами прибыл в штаб формирования, передав командование одному из командиров рот. Оказалось, что противник, натолкнувшись на огневое сопротивление под Тулой, начал обходить ее, направляясь на Венев.

Про возвращении прошли тоже по ул. К.Маркса. У зенитного орудия уже толпились военные и гражданские. По направлению к реке вдалеке стоял подбитый немецкий танк. И без объяснений стало ясно, но любопытство одолело. А сержант, наверное, рассказывал несколько раз одно и тоже, нарисовал такую картину:

- Значит, так. Сидю это я на улице и колбасой балуюсь. Расчет отпустил погреться. Холодновато, сами видите. Как-то глянул на улицу и обомлел. Прёт танк. Ну, тут я сразу смекнул. Немецкий. Приземистый такой в пятнах желтых. А расчета-то нету! Ну, я колбасу в зубы, а снаряд в ствол. Навел. А наводить-то хорошо: прямехонько ползет голубчик... Сзади вторая гадюка цацкает. Ну, я, значит, и вмазал пониже ствола, прямо в механика. Как в тире по глухарю. Тогда я вторым жажнул по гусенице. Он и застопорил, и закрутился голубчик. Выскочили тут мои орлы. Бросились к пушке, но другой танк развернулся и дал деру!... А этот, вот, призовой стоит скуцает... Бегали к нему потом. Интересовались. Ну, немцам-танкистам всем

капут. Это же 85-миллиметровка. Не чета тридцатисемерке. Вот так и подбили мы вместо самолета танк.

... Позже я неоднократно вспоминал этот эпизод и даже после войны возвращался к нему, пытаясь найти упоминание о нем. Убежден в том, что тот выстрел сержанта помог не допустить захвата Тулы. Танки противника - была разведка. Без помех они проскочили мост. Там, вероятно, и пехоты не было. Потеряв же танк, немцы поняли, что город обороняется, и решили обойти его через Венев, чтобы не ввязываться в уличные бои. Для них главная цель была не Тула, а Москва и как можно быстрее!

... На смену нашего, так называемого «Батальона» начали прибывать кадровые подразделения. Мне вручили пропуск, и я с группой гвардейцев на попутных грузовых машинах выехал в Москву.

Ф.А.Савченко. Ухабистые дороги. М.2009. Л.101-104.

Савченко Федор Антонович. 1920 г.р. Во время войны занимал различные командные должности в Гвардейских минометных частях (Катюши). После войны преподаватель Академии им. Фрунзе на кафедре артиллерии. Награжден: Двумя орденами Боевого Красного Знамени, орденом Александра Невского, двумя орденами Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны, орденом «За Службу Отечеству».

(Описываемый эпизод с подбитым танком происходил, быстрее всего, в конце октября еще до боев 30.10., в конце ул. Свердлова и упоминаемый мост через реку, это мост на Рязанском шоссе через речку Рогожня. Это была немецкая танковая разведка. (А.Лепехин)

Трояновский П.И. - военный корреспондент.

В два часа ночи 2 октября всех корреспондентов внезапно вызвали к члену Военного совета фронта дивизионному комиссару П. И. Мазепову. Кроме краснозвездовцев сюда пришли правдисты Михаил Сиволобов и , Михаил Калашников, известинцы Александр Булгаков и Валентин Антонов, тассовец Герман Крылов, корреспондент газеты «Сталинский сокол» Илья Бару, представитель от газеты «Московский большевик» Николай Родионов и корреспондент московского радио Николай Ковалев.

- Положение на фронте, товарищи, резко осложнилось,- сказал нам дивизионный комиссар.- Военный совет поэтому рекомендует всем представителям печати вместе с политуправлением фронта немедленно выехать в направлении Тулы. Маршрут вам укажет комиссар штаба. На сборы - тридцать минут.

Вопросы в таких случаях задавать не полагается...

Глава вторая.

У стен Москвы

В десятом часу утра 3 октября 1941 года корреспонденты газет «Красная звезда» и «Известия» на правах старых знакомых зашли к первому секретарю Тульского обкома партии Василию Гавриловичу Жаворонкову. Все в этом просторном кабинете известного нам дома на проспекте Коммунаров было как и раньше. На длинном столе для заседаний по-прежнему стояла хрустальная ваза с цветами - на этот раз с астрами. Одну стену занимали шкафы с образцами продукции тульской промышленности, у другой стояли старинные часы. Рядом с ними на небольшом столике сверкал многочисленными медалями медный самовар.

Жаворонков говорил по телефону. Приветливо улыбнувшись нам, пригласил сесть.

- Орел? Мне товарища Бойцова! - кричал он в трубку.- Как дела, Василий Иванович? Беспокоит Тула, Жаворонков. Что-что?.. Не может быть! А как в городе? Штаб округа на месте?

Мы не могли слышать, что отвечал Жаворонкову первый секретарь Орловского обкома партии В. И. Бойцов. Но лицо Василия Гавриловича выказывало сильное волнение.

Положив трубку, он какое-то время молчал. Потом сказал:

- Фашисты уже в пятидесяти пяти километрах от Орла. В городе пока все на месте, Но я доподлинно знаю, что Орловский гарнизон не бог весть как силен...

Оказалось, что, после того как 30 сентября немецко-фашистские войска прорвали оборону армий Брянского фронта и большими силами начали продвигаться вперед, Жаворонков по несколько раз на день звонил вот так-то в Орел. Ибо Тула, еще четыре дня назад бывшая в глубоком тылу, вдруг тоже оказалась в непосредственной опасности. Правда, в городе продолжал работать знаменитый оружейный завод, плавился чугун, варилась сталь, изготовлялись машины. На складах хранились большие запасы цветных

металлов, тысячи тонн зерна, крупы, сахара, масла. А ведь от Орла до Тулы каких-нибудь полтораста километров!..

Звонок в Орел, как мы заметили, еще больше озадачил Жаворонкова. Он рассказал нам, что вчера тут, в кабинете, говорил с бригадным комиссаром К. Л. Сорокиным, приехавшим из-под Орла. Ставка Верховного Главнокомандования выдвигает в район Мценска гвардейский корпус генерала Д. Д. Лелюшенко. Части его пока не сосредоточились, и комиссар корпуса поспешил в Тулу просить содействия обкома партии в организации четкой работы железнодорожников. Жаворонков спросил тогда, есть ли у военных товарищей уверенность, что враг будет остановлен у Мценска. Бригадный комиссар был откровенен:

- Остановим. Но на какое время - не знаю...

Сорокин рассказал Жаворонкову, что генерал Д. Д. Лелюшенко дважды вызывался к И. В. Сталину. ЦК, Ставка и Генеральный штаб очень обеспокоены прорывом танков Гудериана в направлении Орла и принимают в связи с этим соответствующие меры. Он, Жаворонков, тоже понял, что Москве реально грозит опасность, нависшая также и над Тулой. И сделал вывод, что областная партийная организация, коллективы городских предприятий и учреждений должны удвоить усилия для помощи фронту.

Каждый день первый секретарь обкома партии бывал на предприятиях, работающих на оборону. Не изменил этому порядку Жаворонков и сегодня. Попросив своих помощников побыстрее соединить нас с Москвой, Василий Гаврилович уехал к оружейникам. Затем побывал у металлургов, заехал на учебный пункт областного военного комиссариата.

В пять часов вечера он снова попросил вызвать по телефону Орел.

- С Орлом связи нет уже несколько часов,- сообщили с телефонной станции.

В семь часов Жаворонков еще раз пытался поговорить с Орлом. Связи по-прежнему не было.

В десять часов ему позвонил Фирсанов - начальник Орловского областного управления НКВД.

- Где вы, товарищ Фирсанов? - с тревогой спросил Жаворонков.

- В Мценске...

- Как в Мценске?

- Несколько часов назад вражеские танки вошли в Орел...

Первый раз в жизни Жаворонков, до этого здоровый человек, отличный лыжник и пловец, почувствовал страшную физическую усталость. Может, подвело натруженное сердце, может, на эти секунды пришелся пик невероятного напряжения последних месяцев.

- Позовите ко мне, Иван Михайлович,- сказал он помощнику Барчукову, - всех секретарей и членов бюро обкома партии. Пусть идут немедленно.

Вскоре один за другим в кабинет начали входить члены бюро - А. В. Капиновский, Н. И. Шарапов, Н. И. Чмутов, В. Н. Суходольский, Ф. С. Филимонов. Да, бюро обкома поредело. Ведь многие секретари и члены бюро были мобилизованы в действующую армию.

* * *

Мы потом узнали, о чем шел разговор на этом заседании.

...Не в первый уже раз собиралось бюро областного комитета партии в эти тревожные месяцы. Заседали, как правило, недолго, по-военному, и сразу же разъезжались по городу и области, каждый по делу, с поручением. Военное положение требовало собранности и четкости. Никто не считался со временем, день и ночь перемешались, обкомовцы отдыхали урывками - или в машине в пути, или на солдатской койке в служебном кабинете. Непривычные вначале военные гимнастерки, галифе и сапоги стали не только привычными, но казались уже исключительно удобными...

Весть о том, что враг в Орле, ошеломила и потрясла. Внутренне, правда, люди давно готовили себя к самому худшему. Ведь Жуковка за Брянском, Трубчевск и Севск, где уже в августе шли бои,- не за горами и морями, не бог весть как далеко. А вот теперь фронт приблизился непосредственно к Туле...

Тяжелая и длительная пауза пролегла между сообщением Жаворонкова и моментом, когда члены бюро начали выступать. Василий Гаврилович слушал, взвешивал каждую высказанную мысль и делал заметки в блокноте. Надо было найти решение, с которым можно будет пойти на заводы и фабрики, в учреждения и колхозы, о котором можно будет сообщить в Москву. Решение, достойное Тулы, ее революционных и боевых традиций, ее партийной организации, ее рабочих. Кто-то вспомнил годы гражданской войны, угрозу Туле со стороны Деникина и внимание, которое уделял все-российской оружейной кузнице В. И. Ленин. Вспомнили знаменитое письмо Владимира Ильича Тульскому ревкому: «За обороной следить, не спуская глаз...»

После заседания В. Г. Жаворонков дал мне прочитать записи, которые он сделал. В них есть и такие строки:

«1. Тула должна стать неприступной крепостью на южных подступах к Москве. Удар врага по Туле будет ударом по Москве.

2. Все обученные резервы поднять по тревоге и под командованием военных товарищей отправить генералу Лелюшенко.

3. Все население бросить на подготовку города к обороне - окопы, противотанковые рвы, доты и дзоты.

4. Подготовка помещений для новых госпиталей.
 5. Эвакуация заводов и запасов.
 6. Дополнительная мобилизация членов партии в армию.
 7. Организация партизанских отрядов и партийного подполья.
 8. Борьба с пропагандой, лазутчиками и распространителями провокационных слухов.
 9. Собрание партийного актива».
- Это вместо протокола? - поинтересовался я.
- Протокол оформим потом. А это то, что бюро сочло необходимым сделать немедленно...

В кабинет в это время вошел командующий Московским военным округом генерал П. А. Артемьев.

- Орел сдан, товарищ генерал, - сообщил ему Жаворонков.

- Знаю, - ответил Артемьев. - Поэтому-то я и приехал к вам.

Поздно ночью, когда на фабриках и заводах началась запись в новые ополченческие роты, а к окраинам города потянулись группы людей с кирками и лопатами, В. Г. Жаворонков доложил в ЦК партии о положении в Туле и о мерах, которые наметил и стал осуществлять обком. Москва ответила:

- Войска генерала Лелюшенко начали бои с танковыми и механизированными частями противника. Обеспечьте самое быстрое продвижение по железной дороге к Мценску танковой бригады Катучкова. Учтите - она хорошо вооружена и должна сыграть большую роль в отпоре врагу. Посылаем Лелюшенко дивизион гвардейских минометов. Обеспечьте на своем участке усиленную охрану и меры секретности... Продолжайте посылать Лелюшенко обученных людей. Но оголять важные оборонные производства нельзя. Готовьте заводы и основные кадры к эвакуации, соответствующее решение последует. Откровенно информируйте партийный актив об опасности городу... Каждый день информируйте нас о ходе дел...

* * *

Поздно ночью на вокзале Жаворонков провожал на Мценск последнюю группу курсантов оружейно-технического училища. Одетый в кожаное пальто-реглан, с трофейным парабеллумом на армейском ремне, высокий, внутренне собранный, Василий Гаврилович подходил к вагонам: где говорил напутственные слова, где просто жал руки курсантам.

- Надеемся на вас, товарищи. Партия, Родина надеются!

Или:

- Будем ждать в Туле хороших вестей.

Потом грузился в эшелон истребительный батальон Пролетарского района. Тут среди бойцов и командиров у Жаворонкова было много знакомых. Первым к нему подошел Петр Максимович Коротков:

- Вот, Василий Гаврилович, пришел, и мой черед...

Жаворонков еще в июле горячо поспорил с Коротковым - потомственным тульским оружейником, коммунистом ленинского призыва. Петр Максимович проводил на фронт четырех сыновей и зятя, а 1 июля сам подал заявление с просьбой отправить его в действующую армию. Его не пускали. Дело дошло до обкома. Жаворонков и Коротков согласились тогда на компромисс - старика зачислили бойцом в истребительный батальон.

Жаворонков считал, что Коротков и сейчас со своими золотыми руками и авторитетом больше нужен на заводе, чем в армии. Но взять его из батальона, да еще в момент погрузки в вагоны, было уже нельзя.

- Что же, Петр Максимович,- сказал Жаворонков,- твоя взяла...

Они стояли друг против друга, оба рослые и чем-то похожие. Василий Гаврилович обнял Короткова:

- Желаю тебе, Петр Максимович, как это в песне-то поется?..

- «Если смерти - то мгновенной, если раны - небольшой», - напомнил Коротков.

- Нет, о смерти не думай. Ждем с победой домой... Помолчали.

- Я думаю, что побьем мы фашиста. Не можем не побить! Ведь все рати, считай, встали - русская, украинская, белорусская, татарская, башкирская, грузинская, казахская...- И тише, с болью в голосе добавил: - Плохо, что о сыновьях ни слуху ни духу. Как хоть они там?..

- А ты наказал Зинаиде Семеновне писать тебе, если от кого из них весточка появится? - спросил Жаворонков.

- Наказал... Я ей еще, Василий Гаврилович, сказал, что если вдруг чего не так случится, чтобы сразу к тебе шла.

- Правильно. Я и сам к ней при случае наведуясь...

Шестьдесят составов отправил Тула 4 октября на фронт.

А 16 октября состоялось собрание городского партийного актива.

«Над Тулой,- говорилось в обращении актива к коммунистам и трудящимся города,- нависла непосредственная угроза нападения. Злобный и коварный враг замышляет захватить город, разрушить наши заводы, наши дома, отнять все то, что завоевано нами, залить улицы города кровью невинных жертв, обратить в рабство тысячи людей. Не бывать этому! Тула, красная кузница, город славных оружейников, город металлистов, не будет в грязных лапах немецко-фашистских бандитов.

Мы, большевики Тулы, заверяем Центральный Комитет ВКП(б), что все, как один, с оружием в руках будем драться за наш любимый город и никогда не отдадим Тулу врагу!

Все на защиту Тулы!

Станем плечом к плечу с бойцами Красной Армии на оборону нашего города! Победа будет за нами!»

* * *

23 октября. Мы в Туле. Город с каждым днем приобретает все более прифронтовой вид. На окраинах, особенно на южной и западной, вырыты многие километры траншей и окопов, установлены противотанковые ежи, сооружаются бетонные и земляные огневые точки для орудий и пулеметов. Многие каменные строения тоже приспособляются для нужд обороны - окна закладываются мешками с песком, в стенах пробиваются амбразуры. На Орловском и Одоевском шоссе, на проспекте Коммунаров появились баррикады. И всюду - большие и малые бомбоубежища, щели.

Продолжается эвакуация предприятий. У заводских ворот и на вокзале - печальные сцены проводов. Плачут женщины и дети, мужчины, их мужья и отцы, тоже прячут влажные глаза.

Создан городской комитет обороны. Во главе его - В. Г. Жаворонков. Зашел к нему поздравить с назначением.

- Это ты зря поздравляешь, дорогой,- с улыбкой ответил он.- Выше звания большевика ничего нет. А вообще-то это назначение, несомненно, принесет пользу, мне теперь можно будет более решительно говорить с военными товарищами.

Зазвонил телефон ВЧ. По разговору я понял: звонят из Москвы, на проворе кто-то из секретарей ЦК партии.

- Могу сообщить последнюю новость,- сказал Василий Гаврилович, положив трубку.- Оборона Тулы возложена на пятидесятую армию. Части двадцать шестой вливаются в эту армию. Командующим назначен генерал Ермаков, членом Военного совета - известный тебе Сорокин, начальником штаба - полковник Аргунов... Высылают нам бронепоезд и полк тяжелой артиллерии. Обещают свежую сибирскую дивизию.

В кабинет зашел помощник. Жаворонков положил перед ним какую-то бумагу. Мне же пояснил:

- Мы сегодня приняли решение об организации рабочего полка. Сведем в него имеющиеся у нас истребительные батальоны и укрепим политбойцами из партийного актива.

Я спросил Василия Гавриловича, доволен ли обком тем, как центральные газеты освещают бои на тульском направлении.

- Читаем все. Претензий нет. Но тон выступлений, по-моему, должен быть еще тревожной, набатней. Сейчас гитлеровцы имеют возможность нацелить на Тулу все силы Гудериана. А у него одних танков - четыреста!..

Вечером съездил с командующим артиллерией армии полковником К. Н. Леселидзе на позиции зенитных подразделений. Он пояснил, что решил снять зенитки, особенно тяжелые, с прежних огневых позиций и поставить их там, где в город могут войти неприятельские танки. Обаятельный и горячий, как всякий грузин, Леселидзе и в машине произносил такие темпераментные и аргументированные речи, будто перед ним был Военный совет армии, а не я, простой корреспондент «Красной звезды».

- Правда, зенитчики держатся за свое,- развивал он свою мысль.- И по-своему они правы. Их главная задача конечно же состоит в том, чтобы прикрыть город от воздушного противника. Но, слушайте, нельзя же быть консерваторами, а то и просто глупцами! От кого они будут защищать город, если в Тулу ворвутся фашистские танки?!

24 октября состоялось первое заседание Военного совета 50-й армии. На нем, как я узнал, был утвержден план обороны Тулы. Принято и предложение К. Н. Леселидзе об использовании зенитных подразделений для борьбы с танками. А на следующий день бригадный комиссар К. Л. Сорокин, посадив меня в свою машину, поехал проверять, как выполняются решения и указания Военного совета, принятые на вчерашнем заседании.

* * *

В Центральном райкоме партии мы не пробыли и десяти минут. Его первый секретарь А. Н. Малыгин предложил Сорокину лично посмотреть, как возводятся на улицах баррикады, приспособляются для нужд обороны каменные дома. Но бригадный комиссар сказал, что он и без этого верит в дисциплинированность и оперативность работников райкома.

- Тут все в порядке. Все идет как надо,- сказал он мне в машине убежденно.

- Почему вы в этом так уверены?

- А вы не понаблюдали за секретарем, когда мы вошли в его кабинет?

- Не догадался.

- Ну вот, а еще журналист! Малыгина же не смутил мой чин, он не заискивал перед старшим начальником. А что это значит с психологической точки зрения? Значит, что перед тобой - человек дела, твердого слова, настоящий большевик! У него, я уверен, и все остальные работники такие. Зачем же мне тратить время на проверку того, что уже сделано и делается?

На заводе, который сваривал противотанковые ежи, нас встретил заместитель директора. Директор, как оказалось, уехал с основным оборудованием на Урал.

- Как дела? - спросил Сорокин.

- За ночь сделали пятнадцать комплектов...

- Покажите.

Замдиректора повел нас в цех, где стояли... три готовых комплекта ежей и работали всего два человека.

Лицо Сорокина налилось кровью. Он гневно спросил:

- Кого же вы обманываете?! Вам дала поручение Родина, а вы объективно способствуете врагу! Да вас за это следует немедленно арестовать и судить судом военного трибунала!

Нерадивый руководитель был на грани обморока, мне даже пришлось поддержать его под руки.

- Про трибунал я не зря упомянул,- сказал уже мягче Сорокин.- Вечером у вас будут товарищи из обкома партии. Если дело не поправите - пеняйте на самого себя!

Поехали дальше. У Кремля немецкие самолеты сбросили несколько бомб. Были разрушены два дома.

- Стоп! - скомандовал Сорокин водителю.- Забери отсюда раненых - и в госпиталь. Скорее, товарищи, скорее...

В легковую машину класть раненых было неудобно. Сорокин тут же опустил спинки передних сидений, и эмка превратилась почти что в санитарную машину.

- Запачкаем все кровью, товарищ бригадный комиссар, - заикнулся было водитель.

- Кровь - это жизнь! Поезжай в первый же госпиталь - и мигом обратно. Пусть пришлют сюда и свой транспорт.

...Между Тулой и Косой Горой, в реденьком лесочке, зенитчики устанавливали свои пушки, готовя их к бою с танками противника. Еще издали мы заметили на шоссе двух командиров.

- Это кто там? - спросил Сорокин.

- Похоже, полковник Леселидзе и лейтенант Волнянский определяют расстояния до намеченных ориентиров...

- Вот это дело,- сказал бригадный комиссар и пошел к артиллеристам. Через четверть часа вернувшись к машине, он сказал подошедшему политруку зенитной батареи М. И. Сизову:

- Соберите-ка на минутку людей...

Зенитчики с любопытством окружили нашу машину.

- Митинговать, товарищи, некогда,- заговорил Сорокин.- Вчера враг прорвал наши позиции у Плавска и Белева. Не сегодня-завтра он может оказаться у стен Тулы. Буду откровенен с вами: сил у нас тут не густо. На вас Военный совет армии, Советская Родина возлагают великие надежды.

Зенитный снаряд пробивает броню любого фашистского танка. Это я видел собственными глазами еще в боях у Смоленска. Чувствуете, какое грозное оружие доверено вам? Ни шагу назад! Ни одного вражеского танка не пропустить к Туле - вот ваша святая задача! Все понятно, товарищи?

Раздались возгласы:

- Понятно, товарищ бригадный комиссар!..

- Постараемся!..

- Мы им тут устроим русскую баню!..

У здания обкома партии Сорокин сказал мне:

- Здесь я тебя высаживаю. Мне нужно еще с Жаворонковым кое о чем посоветоваться...

Вылез из машины. Пешком вернулся в штаб. Здесь нашел возможность представиться новому командующему 50-й армией генерал-майору А. Н. Ермакову и начальнику штаба армии полковнику Е. Н. Аргунову. Оба они - опытные военачальники, закаленные фронтовики. Генерал Ермаков показал высокое искусство в оборонительных боях на Центральном и Брянском фронтах. Е. Н. Аргунов имел академическое образование и с успехом исполнял обязанности начальника оперативного отдела двух фронтов. Вышел из вражеского окружения вместе с войсками 50-й армии, заменив в боях погибшего командарма.

Позже у нас, корреспондентов «Красной звезды», установятся довольно хорошие, просто-таки доверительные отношения с А. Н. Ермаковым и Е. Н. Аргуновым. А сейчас же разговор получился официальным. Правда, мне разрешили поприсутствовать вечером при докладе полковника К. Н. Леселидзе. Тот рассказал, как расположены и какие задачи получили артиллерийские подразделения.

- Командование ПВО пожаловалось начальнику Генерального штаба товарищу Шапошникову на наше самоуправство и превышение власти Военным советом армии,- сказал ему Ермаков. И добавил: - Маршал, однако, одобрил наше решение насчет использования зениток против танков как единственно правильное в создавшейся ситуации.

Леселидзе радостно улыбнулся.

* * *

1 ноября вернулся в Тулу. Пока был в Москве, ездил в 16-ю армию, здесь уже сложилась еще более трудная обстановка. 29 октября передовые вражеские части подошли к Туле, заняли село и музей-усадьбу Л. Н. Толстого - Ясную Поляну, а также Косую Гору, Ивановские дачи, Ново-Басово и начали артиллерийский обстрел города.

А в седьмом часу утра 30 октября враг двумя колоннами танков и бронетранспортеров предпринял непосредственный штурм Тулы. Командир зе-

нитного полка майор М. Т. Бондаренко, находившийся на передовом наблюдательном пункте, насчитал тогда до ста бронированных машин.

Самая большая тяжесть в эти часы выпала, пожалуй, на долю зенитчиков лейтенанта Григория Волнянского. На огневые позиции двух 76-мм орудий, которыми командовал лейтенант, шло так много вражеских танков, что Волнянский даже сосчитать их на первых порах не сумел. Не было времени. Досчитал до тридцати и бросил, подал команду:

- Бронебойным, прицел... Огонь!

Первыми же снарядами был подожжен один из головных танков. Машина окуталась густым дымом. Но фашисты тут же открыли по зенитчикам ответный огонь.

- Цели выбирать самостоятельно! - командовал Волнянский...

Тридцатая минута боя. Вот падает замертво наводчик первого орудия. Лейтенант сам встает на его место.

- Огонь!

Двенадцать вражеских машин горят уже на шоссе и его обочинах. Но натиск гитлеровцев не ослабевает. Все новые и новые их танки идут на зенитчиков. Лейтенант насчитал теперь уже сорок машин.

- Огонь!

Подбито еще три танка. И в это время из ближайшей машины ударил пулемет. Лейтенант Волнянский схватился за грудь и упал на руки политрука Михаила Сизова.

- Гриша! Лейтенант! Гриша!

Но лейтенант уже не слышал голоса политрука. Не мог слышать: пуля сразила его насмерть...

А у ликероводочного завода дрался с врагом огневой взвод лейтенанта Милованова. Уже во время первой атаки его зенитчики уничтожили четыре танка и два орудия противника...

Итак, первый натиск дивизий Гудериана на Тулу был отбит на всех участках. Но в десять часов утра противник предпринял второй. На этот раз ему удалось несколько потеснить рабочий полк, а к 14 часам занять Рогожинский поселок.

Залпами бил по вражеским танкам бронепоезд. Героически дрался полк НКВД. Не знали отдыха дивизионы тяжелых орудий майора А. А. Маврина...

Здесь следует сказать, что еще в 7 часов утра на станцию Хомяково, что под Тулой, прибыл первый эшелон 32-й танковой бригады. Соединение имело всего пять танков КВ, семь Т-34 и двадцать два танка Т-60. Но в тех условиях, в которых оказалась Тула, и это было большим подспорьем.

Командир бригады полковник И. И. Ющук прямо на станции ставил боевые задачи своим батальонам и ротам. И в 13 часов они уже вступили в бой.

Да, тяжелым был для Тулы этот день 30 октября. Враг четырежды накапывался стальными волнами на город. Но потеряв тридцать один танк, фашисты так и не достигли сколько-нибудь значительного успеха.

С рассветом 31 октября атаки врага возобновились.

Танки и мотопехота Гудериана снова волнами шли на город, перенося удары с одного участка на другой. Усилился артиллерийский обстрел. Чаще на Тулу налетали фашистские самолеты.

Но и она, Тула, тоже наращивала силы. В город пришел дивизион гвардейских минометов - «катюш». Первым его залпом было уничтожено пять вражеских танков и до роты солдат. Рядом с рабочим полком встал 473-й стрелковый полк под командованием полковника М. П. Краснопивцева. Занял позиции 702-й истребительный артиллерийский полк резерва Главного командования.

А самой весомой помощью защитникам Тулы было прибытие сюда 413-й стрелковой Сибирской дивизии, которой командовал генерал А. Д. Терешков. Соединение насчитывало двенадцать тысяч стрелков, артиллеристов, минометчиков и саперов. Люди - как на подбор, один к одному, хорошо вооружены. Молодые, горячие.

Словом, Тула готовилась стоять насмерть.

* * *

Штаб тульского рабочего полка разместился в подвале полуразрушенного каменного дома. Собственно говоря, штаба как такового пока еще не было, имелась просто небольшая группа людей, в меру своих возможностей помогавших майору А. П. Горшкову.

Сам майор сидел за столом, склонившись над картой, и показывал капитану-артиллеристу из 702-го артполка цели, выявленные в боях за эти дни.

- Если бы не артиллерия, то, право, не знаю, что стало бы с моим полком... Люди-то необстрелянные, а тут - самолеты, танки, автоматчики, - говорил мне Горшков, водя карандашом по карте. И - капитану-артиллеристу: - Вот здесь, по шоссе и рядом с ним, самые танкоопасные направления. Еще вот тут, от Рогожинского поселка. Там у них тоже танки...

Артиллерист быстро помечал все это на своей карте. А А.П. Горшков, снова обратившись ко мне, сказал извиняющимся тоном:

- Еще несколько минут, и я буду в вашем распоряжении.

Наконец он встал из-за стола. И я только сейчас увидел, какой же майор все-таки высокий. Туго затянутый ремнями, он имел вполне спортивный

вид. Я уже знал, что, несмотря на свою относительную молодость, А.П. Горшков уже успел пройти хорошую партийную и чекистскую школу. А вот сейчас ему доверено командование полком. Да и каким полком!

Майор пригласил меня поближе к столу, сказал:

- Мне уже звонил Василий Гаврилович Жаворонков. Готов отвечать на ваши вопросы.

Я попросил его рассказать о составе и задачах вверенной ему части.

...Полк был организован в последних числах октября постановлением Тульского городского комитета обороны, в него вошли истребительный батальон строительно-монтажного треста численностью 110 человек, истребительный батальон косогорского металлургического завода - тоже 110 бойцов, батальоны Центрального и Заречного районов - по 80 человек в каждом, кавалерийский эскадрон в 50 сабель и другие мелкие ополченческие подразделения. Всего же к началу боев полк насчитывал около 1200 бойцов и командиров. Комиссаром к А. П. Горшкову был назначен старый большевик, участник гражданской войны, орденоседец, начальник треста «Черепетьуголь» Г. А. Агеев.

- Вооружением полка похвастаться не можем,- рассказывал далее майор.- Винтовки, правда, есть у всех, а вот пулеметов мало. Противотанковых ружей было двадцать, сейчас осталось двенадцать. Очень плохо с патронами для этих ружей...

27 октября полк по приказу начальника гарнизона и городского комитета обороны занял свой участок обороны: южная окраина Тулы от высоты 225,5 и до Воронежского шоссе.

- Как видите,- продолжал А. П. Горшков,- участок приличный, а времени ни на обучение личного состава, ни на совершенствование обороны враг нам не предоставил.

И действительно, 30 октября, примерно в 7 часов-30 минут утра, в районе кирпичного завода показались первые танки противника. Майор насчитал более 30 машин. Враг с ходу открыл огонь из пушек и пулеметов. Артиллерия, приданная полку, тоже начала стрелять. Правда, непосредственно в боевых порядках части находилась всего лишь одна батарея. С ней много не сделаешь. Горшков запросил помощи.

По его заявке открыли огонь артиллеристы, расположенные в Кировском поселке. Но и это не остановило врага. Его танки приближались. И тогда бойцы встретили их гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Первая атака врага совместными усилиями полка и артиллеристов была отбита.

В 12 часов дня - вторая атака, еще более мощная. Ей предшествовала авиационная и артиллерийская подготовка. На этот раз фашистам удалось

расчленил батальоны полка и оттеснил их на восточную окраину Рогожинского поселка.

Следующие двое суток противник атаковал и днем и ночью. В течение их полк только своими силами сжег пять фашистских танков. Много машин врага подбили и артиллеристы. Но и батальоны понесли тяжелые потери. В частности, погиб комиссар полка старый большевик Г. А. Агеев...

На улице загрохотали взрывы. А. П. Горшков прервал свой рассказ и приказал телефонисту:

- Соедини меня со вторым батальоном.- И - нам: - Похоже, готовится новая атака...

Командир 2-го батальона сообщил, что из поселка вышло и движется на них двенадцать вражеских танков с десантом автоматчиков.

- Приготовить гранаты и бутылки с зажигательной смесью! - приказал Горшков.- В первую очередь отсекайте от танков автоматчиков. Окопы не оставлять! Держаться во что бы то ни стало. Вам помогут и артиллеристы.

В такие минуты конечно же не до расспросов, и мы подошли к подвальному окну. Впереди горело какое-то строение, подожженное фашистскими снарядами. И за ним сквозь дым угадывались темные силуэты трех фашистских танков. Вот прямо перед ними встали султаны огня, потом еще и еще...

- Смотрите, начинают разворачиваться наутек! - громко сказал артиллерийский капитан.- А один дымит, подбили... Вон накрыли и другую машину...

Когда первое напряжение боя спало, А. П. Горшков сказал капитану-артиллеристу:

- Передайте благодарность всем расчетам, которые так метко вели огонь по противнику. Причем рабочую благодарность!

Поступило донесение и из 2-го батальона. Там тоже подбито несколько танков, батальон устоял. Выслушав это, Горшков задумчиво произнес:

- Что же, народ с каждым днем все лучше и лучше постигает трудную науку боя. Как точно кто-то сказал: солдатами не рождаются... Дайте срок, и наши металлосты, оружейники, строители, железнодорожники тоже станут хорошими бойцами!..

* * *

Уже 6 ноября. Бои не утихают ни днем, ни ночью. В районе вокзала враг предпринял даже психическую атаку. Пьяные фашисты шли во весь рост, с музыкой и развернутыми знаменами. Наши сосредоточили по ним огонь сразу трех артиллерийских дивизионов. Атака захлебнулась, было уничтожено до семисот гитлеровских солдат и офицеров...

В. Г. Жаворонков пригласил меня побывать на Новотульском заводе. Здесь по инициативе старых рабочих и директора предприятия М. Д. Баженова приступили к изготовлению бронированных колпаков для пулеметных гнезд. Председатель городского комитета обороны лично испытал один такой колпак на пробиваемость бронебойными пулями. На броне - лишь царапины.

- Ну как, Василий Гаврилович, примет Красная Армия наши колпаки? - спросил у Жаворонкова слесарь Ф. Ф. Федоров.

- Сделано по-тульски,- ответил довольный Жаворонков. И в свою очередь спросил: - А каковы ваши ближайшие планы?

- Сейчас собираем старый токарный станок,- сказал Баженов.- Он, правда, чуть ли не со времен Петра Первого, но еще послужит. У нас тут кой-какие новые планы имеются...

Железнодорожники тем временем закончили строительство нового бронепоезда. У них же в мастерских ремонтировались танки, артиллерийские орудия, пулеметы и минометы.

- Мы на пути к тому, что защитники города не будут испытывать нужды ни в оружии, ни в боеприпасах,- говорил В. Г. Жаворонков.- Рабочая Тула обеспечит их всем необходимым.

Вернулись в обком, который теперь переехал в подвал школьного здания в Чулкове. У дверей кабинета, опираясь на костыли, стоял какой-то боец с забинтованной головой. Жаворонков вдруг кинулся к нему:

- Петр Максимович, живой?!

- С раной небольшой, Василий Гаврилович. Как в той песне поется.

- А почему не в госпитале?

- Да я ж из госпиталя, Василий Гаврилович. Твоим именем поручился...

Жаворонков крепко расцеловал Короткова, усадил на стул.

- Ну рассказывай, как воевал.

- А чего рассказывать-то, Василий Гаврилович? Наверно, не так уж хорошо воевал, раз поддался ему, подлому...

- Не поверю, что плохо воевал.

- Воевал, конечно, как надо. Несколько гадов точно прихлопнул. Но вот и меня достали...

Телефонный звонок на время прервал их разговор. А после того как Жаворонков освободился, Петр Максимович продолжил:

- Но я-то к тебе не с воспоминаниями, товарищ секретарь обкома, пришел. С предложением. Хочу снова пойти на завод. Ты, я слышал, клич по этому поводу пенсионерам бросил. Вот и возьми меня из госпиталя. Пойду хоть бригадиром, хоть мастером. У меня же ни руки, ни глаза не тронуты.

- А не трудно будет?

- Выдюжу, Василий Гаврилович! Ты мне дело дай, сразу поправлюсь.

- Что ж, договорились. И спасибо тебе, Петр Максимович. Партийное спасибо! Такой человек, как ты, очень нам на заводе нужен... От сыновей вести есть?

- Гриша, старший, прислал недавно письмо. Он сейчас тоже в госпитале. В Горьком. Награжден орденом Красного Знамени...

- Ну вот, видишь, весь в тебя, Петр Максимович! Оно и то: у большевика и дети орлами вырастают!

Слушая этот их разговор, я время от времени делал пометки в своем рабочем блокноте. Знал, что напишу о П. М. Короткове очерк.

* * *

За городом шоссе, поныряв на спусках и подъемах, вскоре уперлось в мост через Оку. На высоком правом берегу реки стояла Кашира. Она манила нас, как место, где мы могли найти более или менее устойчивую связь с Москвой хотя бы на полтора-два часа, чтобы передать материалы о боях в районе станции Ревякино.

Перед мостом решили размять затекшие ноги. Вылезли из машины. Было холодно, дул сильный ветер. Ока уже встала. Только в одном месте, ближе к середине реки, темнела парящая полынья.

- Что такое? Посмотрите! - вдруг с тревогой воскликнул Олег Кнорринг, показывая в сторону Каширы. Я взглянул на город. Над ним вспыхивали в небе черно-белые барашки шрапнели. Да, да, именно шрапнели, а не разрывов зенитных снарядов. Откуда над Каширой шрапнель? Неужели там уже фашисты? Да нет, не может быть! И все же...

Да, враг всеми силами пытался осуществить свой дьявольский план по окружению и последующему уничтожению Москвы. Его дивизии рвались к Химкам, подошли к Лобне, обстреливали Серпухов, перерезали железную и шоссеиную дороги на Тулу, заняли Сталиногорск, Венев. А вот теперь появились и у Каширы...

В городе мы, естественно, застали обстановку некоторой нервозности. Ведь враг же на пороге! Жители прятались от обстрела в подвалы, бомбоубежища, другие с детьми и самыми необходимыми пожитками торопились к мосту через Оку.

Неподалеку от пожарной каланчи, что возвышалась в центре города, нам навстречу попался знакомый подполковник И. А. Семенов - представитель Генерального штаба при 50-й армии. Он тоже торопился и, назначив на вечер свидание в райкоме партии, побежал на телеграфную, к аппарату Бодо. Ему нужно было срочно продиктовать телеграмму в Москву, в Генеральный штаб.,

Мы тоже поначалу двинулись за ним, но вовремя поняли: сейчас не та обстановка, чтобы занимать канал связи для передачи наших корреспонденции.

Враг тем временем продолжал обстрел города. Несколько фашистских танков пытались даже ворваться на улицы Каширы, но, встретив дружный отпор зенитного дивизиона, отошли к деревне Пятница.

Как позднее покажут пленные из 3-й танковой дивизии, Гудериан отложил общий штурм Каширы на 26 ноября, так как ожидал подхода подкреплений. Наше командование и Ставка тоже делали все от них зависящее, чтобы отстоять город. Так, вечером 25 ноября в кабинете первого секретаря Каширского райкома партии раздался звонок из Москвы. Звонил И. В. Сталин. Попросил проинформировать его об обстановке в городе и как можно скорее пригласить к телефону генерала П. А. Белова, командира кавалерийского корпуса, части которого как раз подходили к Оке.

Секретарь райкома пообещал сейчас же послать за генералом.

- Сколько времени вам понадобится на эти поиски? - поинтересовался Сталин.

- Двадцать - двадцать пять минут.

В тот момент, когда в Каширу звонил И. В. Сталин, одна из дивизий корпуса, под командованием генерал-майора В. Н. Баранова, уже начала форсирование Оки. Вместе с комдивом переправой этого соединения руководил и генерал П. А. Белов. Тут-то его и нашел нарочный из райкома партии.

Ровно через 25 минут вновь позвонил Верховный Главнокомандующий. Генерал взял трубку, внимательно выслушал и отчеканил:

- Есть, товарищ Сталин, удержать любыми средствами Каширу!

В ночь на 26 ноября кавалеристы генерала П. А. Белова вместе с подошедшими танкистами полковника А. Л. Гетмана перекрыли врагу путь к Кашире. Днем они отбили все его атаки. Тем временем сюда же стянулась и 173-я стрелковая дивизия, а также 15-й гвардейский минометный полк. И утром 27 ноября вся эта группа войск, которую возглавил генерал П. А. Белов, нанесла по частям и соединениям Гудериана такой сильный удар, что гитлеровцы вынуждены были отступить на 10-15 километров в сторону Мордвеса.

По свежим следам боев мы побывали в деревне Пятница, недавно отбитой у врага. Ее улицы, близлежащие поля и овраги сплошь забиты побитой, а то и просто брошенной фашистами техникой. Танки, орудия, грузовики и легковые автомашины, конные повозки, штабеля снарядов и мин, необруанные трупы солдат и офицеров - все это свидетельствовало как о накале боя, так и о поспешном отступлении, а точнее - просто бегстве фашистов из нее.

В единственном уцелевшем доме деревни генерал П. А. Белов допрашивал взятого в плен гитлеровского офицера.

- Нашей ближайшей целью было форсирование Оки и захват на том берегу плацдарма, с которого нам предстоял марш к Москве,- торопливо говорил пленный.- Но зенитки, поставленные на прямую наводку, не дали нам войти в Каширу. А затем последовал этот ужасный контрудар ваших танков и казаков. Их появление было столь неожиданным, что наши штабы и командиры растерялись, не сумели организовать должного сопротивления. Потери наши велики... Генералу Гудериану, наверно, теперь надо думать не о Москве, а о спасении собственного лица...

И верно: Гудериан, вопреки истеричным приказам и требованиям Гитлера, 30 ноября отдал своим войскам распоряжение о переходе к обороне.

* * *

По заведенному с первых дней обороны Тулы правилу вечерами, а иногда даже и по ночам в штаб 50-й армии приглашались корреспонденты центральных газет. Чаще всего с нами здесь беседовали начальник штаба полковник Н. Е. Аргунов, член Военного совета армии бригадный комиссар К. Л. Сорокин или комиссар штаба батальонный комиссар А. Г. Нарышкин. Они рассказывали о событиях дня, называли особо отличившиеся в боях части и подразделения, и эти их сообщения ложились затем в основу оперативных корреспонденции, появляющихся уже наутро, на страницах «Правды», «Известий», «Красной звезды», «Комсомольской правды».

А 13 декабря нас предупредили, что эта своеобразная [66] пресс-конференция в штабе состоится не вечером и не ночью, а в 16 часов.

Корреспонденты прибыли в штаб почти одновременно. Николай Ильинский, бывший редактор тульской областной газеты «Коммунар», представлял «Правду». «Известия» имели в Туле двух своих представителей, двух неразлучных друзей - Валентина Антонова и Александра Булгакова. Корреспондентом ТАСС являлся Герман Крылов. От «Красной звезды» здесь постоянно находились автор этих строк и фотокорреспондент Олег Кнорринг. Правда, в разное время в Туле бывали Николай Денисов и Зигмунд Хирен, но сейчас они работали на других участках фронта.

Ровно в 16.00 к нам вышел полковник Н. Е. Аргунов. Пригласил:

- Проходите, товарищи, прошу...

В небольшом кабинете начальника штаба нас уже ожидали командующий 50-й армией генерал-лейтенант И. В. Болдин (сменивший 20 ноября генерала А. Н. Ермакова), члены Военного совета бригадный комиссар К. Л. Сорокин и первый секретарь Тульского обкома партии, председатель городского комитета обороны В. Г. Жаворонков.

Я видел всех этих людей в разные периоды обороны Тулы. Видел очень встревоженными, расстроенными, усталыми, хмурыми, сердитыми. Но никогда не видел подавленными. Вера в силы нашей армии, в героический тульский рабочий класс никогда не покидала их, и ни один из них ни на минуту не предавался панике.

- Выстоим!

- Врагу в Туле не бывать! - говорили они войскам, заверяли Москву, говорили и нам.

Сейчас на их лицах тоже лежали следы усталости, невероятного напряжения. И все-таки это были другие люди. У них потеплели взгляды. Другими были голоса. Даже рукопожатия стали крепче. Еще бы! Ведь рабочая Тула не только выстояла, но и сама перешла в наступление!

- Перед частями армии поставлена задача спасти Ясную Поляну, - заговорил между тем Иван Васильевич Болдин.- Только что звонил маршал Шапошников. Сказал, что судьба Ясной Поляны очень тревожит Верховного Главнокомандующего. Звонил и генерал армии Жуков... Нами отданы соответствующие приказы. На Ясную Поляну пойдут подразделения из соединений генералов Трубникова и Фоканова. Им будут приданы танки полковника Ющука и бронепоезд. Фронт выделил и дополнительные силы авиации...

- Короче говоря, товарищи,- вступает в разговор бригадный комиссар К. Л. Сорокин, - ваше место сейчас в частях генерала Трубникова. Полковник Аргунов доведет до вас, где искать Трубникова. Думаю, о политическом значении освобождения Ясной Поляны говорить нет необходимости...

- И о патриотическом значении. Даже мировом, - добавляет В. Г. Жаворонков.

Уже темнело, когда мы, нанеся на карты место расположения частей генерала К. П. Трубникова, выехали к Косой Горе. Было морозно. Снег, выпавший накануне, немного подровнял шоссе, но ехать все равно трудно: то и дело попадаются воронки от снарядов и авиабомб.

Косая Гора совсем недавно была отбита у врага. Все вокруг еще черно от огня и порохового дыма. Выпавший снег только припорошил, но не стер следы ожесточенных боев. Тут и там темнеют остовы сгоревших фашистских танков. Беспомощно стоят брошенные гитлеровцами крупнокалиберные орудия, из которых они еще три дня назад обстреливали Тулу...

За Косой Горой машины пришлось остановить и дальше идти пешком. Из лесу нам навстречу три красноармейца, одетые в овчинные полушубки, вели группу пленных фашистов.

- Взяты в соседней деревне, - сказал старший конвоир. - Так увлеклись грабежом, что и не заметили, как оказались в плену.

Вспомнились строки из «Войны и мира»: «Это была толпа мародеров, из которых каждый вез или нес с собой кучу вещей, которые ему казались ценны и нужны».

Вот и эти из той же породы.

* * *

В штабе дивизии генерала К. П. Трубникова не оказалось. В сопровождении офицера связи пошли в полк, батальоны которого должны были с утра атаковать врага в Ясной Поляне.

В полку только что закончился митинг. На нем выступил сам комдив. Он говорил о Толстом, о его значении для русской и мировой культуры, о Ясной Поляне, зачитал декрет ВЦИК от 10 июня 1921 года, который объявлял дом-усадьбу и яснополянские земли государственным заповедником.

Сейчас Кузьма Петрович Трубников беседовал с группой разведчиков.

- Вы, можно сказать, превращаетесь в пожарную команду, - говорил он. - Двигаться надо вдоль речки Воронки прямо на усадьбу. Чует мое сердце, зажгут ее, сволочи...

Утром батальоны полка пошли в атаку. Орудийные залпы, треск пулеметных и автоматных очередей слились в один сплошной гул. По глубокому снегу двигались танки, стрелковые цепи, непосредственно в которых, не отставая, артиллерийские расчеты толкали свои орудия. Со стороны железной дороги залпами бил по врагу бронепоезд.

Напор наших батальонов был настолько стремительным, что фашисты из вражеской дивизии «Оленья голова» вскоре не выдержали и, огрызаясь огнем, подчас даже переходя в контратаки, стали отступать к Щекину.

На поле боя дымными кострами пылали подожженные нашими артиллеристами немецкие танки. Но дым стоял не только над полем боя. Его черные столбы поднимались и над деревней. Горела яснополянская школа, больница, догорали дома. Дым валил и из двухэтажного дома Л. Н. Толстого. Дорога в усадьбу загромождена разбитой фашистской техникой. На ее обочинах стоят мертвые, тоже обгоревшие деревья.

Ворота в усадьбу взорваны. Тянет гарью.

Да, здесь жил и творил один из величайших гениев мира. Каждый вершок этой земли, каждое здешнее дерево, любая постройка, каждая вещь связаны с дорогим для нас именем. И все это хранилось нашим народом с трепетной любовью. А вот теперь...

Вспомнился октябрь 1941 года. Тогда, возвращаясь с Брянского фронта в Москву, мы завернули в Ясную Поляну. Здесь еще продолжались экскурсии, но тень войны зримо дотягивалась и сюда. Помню встревоженные лица Софьи Андреевны Толстой-Есениной, хранителя дома-музея Сергея

Ивановича Щеголева, научного сотрудника Марии Ивановны Щеголевой, других служащих...

Мы спросили тогда Сергея Ивановича Щеголева, с которым были знакомы, отчего у них печальные лица.

- Так ведь эвакуация же, - ответил он.- Получили правительственное распоряжение немедленно вывезти все самое ценное и важное...

Но все бесценные реликвии, к сожалению, вывезти не удалось. Да и как увезти, например, громоздкие старинные буфеты, книжные шкафы, музыкальные инструменты, оконные рамы, ветхие диваны и стулья?

И вот теперь, уже в декабре, мы снова в Ясной Поляне... Встретили того самого Сергея Ивановича Щеголева. Оказалось, что тогда, в октябре, он не успел выехать из Ясной Поляны и все дни вражеской оккупации провел здесь. С болью в голосе он рассказывает:

- Тридцатого октября, после бомбежки и обстрела усадьбы, к нам пришли трое гитлеровских офицеров. Надменные и нахальные, с жестами и тоном повелителей, завоевателей, хозяев. Не обнажив даже голов и не считив грязи с сапог, пошли по комнатам. Сдирали со стен фотографии, опрокидывали стулья. В ответ на наши протесты злорадно скалили зубы.

Потом пришли другие. Заявили, что в бытовом музее отныне будет казарма для солдат, а в литературном - госпиталь. Мы снова выразили протест, заявив, что в Ясной Поляне есть ведь здание больницы, оно более пригодно для госпиталя. Но фашисты были непреклонны. Прислали к нам целую команду солдат. Те начали стаскивать одни вещи в подвальные помещения, а другие вообще выкидывать на улицу... В знаменитой комнате под сводами, где писалась «Война и мир», была оборудована курилка... Офицеры бесцеремонно воровали вещи и ценности... Была осквернена могила великого писателя. Рядом с ней гитлеровцы захоронили сотни своих солдат и офицеров. И в заключение - вот этот пожар... Вчера три фашистских офицера облили бензином библиотеку, спальню Льва Николаевича, спальню его жены, а рано утром команда солдат подожгла дом...

Мария Ивановна Щеголева в свою очередь поведала:

- В фашистах я увидела настоящих варваров. Представьте себе, ни один из них не слышал даже имени Толстого! Они убивали людей, трех человек повесили. Все население и наши служащие ограблены. А эти пожары - вандализм! На дворе ведь было много дров. Но что им дрова? Бросали в костры двери, оконные рамы, половые доски... И везде плевали, гадили. Для них нет ничего святого и чистого!

Сторож И. В. Егоров:

- У меня такое впечатление, что, окажись здесь и будь жив Лев Николаевич, фашисты обидели бы и его. Ей-ей - обидели бы! Посмотрите, что на-

делали представители этой «культурной» нации. Все поломано, выдрано, загажено. Хуже свиней!..

Ученик Павлик Комаровский:

- Я слышал, как немецкий доктор Шварц сказал Сергею Ивановичу Щеголеву: «Мы сожжем все, что связано с именем вашего Толстого...»

Остается добавить, что с пожаром героически боролись С. И. Щеголев, М. И. Щеголева, М. Н. Маркина, сторожа И. В. Егоров, Д. С. Фоканов, В. С. Филатова и другие. И они спасли то, что еще можно было спасти.

* * *

Подошло время возвращения в Тулу. Надо было передать в Москву обо всем увиденном и услышанном в Ясной Поляне.

С тяжелым чувством обошли мы еще раз разгромленные комнаты музея, постояли у могилы Льва Николаевича. Толстой и фашисты... Эти два слова никак не хотели соседствовать даже в сознании.

У руин школы увидели генерала И. В. Болдина, бригадного комиссара К. Л. Сорокина, секретаря обкома партии В. Г. Жаворонкова. Подошли к ним. С юга, со стороны Щекино, все еще доносилась канонада. По врагу била советская артиллерия. Красная Армия продолжала освобождение советской земли от врага...

В Туле нас ждала неудача. Связи с Москвой не было. Решили ехать в Серпухов. Ночью с трудом достучались в дверь горкома партии. И сразу - к телефону.

- Москва есть?

- Москва на повреждении.

- Что есть?

- Есть Рязань...

И опять не повезло. Рязань уже несколько часов не имела связи с Москвой. Но была связь с Куйбышевом. Берем Куйбышев. Ответ леденит:

- Москва на повреждении.

- С кем имеете связь?

- С Казанью.

- Срочно Казань.

И вот наконец родной голос стенографистки Музы Николаевны.

- Муза Николаевна, поклон из Ясной Поляны. Буду передавать шесть страниц.

Моя корреспонденция, переданная в «Красную звезду» в ночь на 15 декабря, называлась «Что увидели наши войска в Ясной Поляне».

Диктую, тороплюсь. Ведь за мной в очереди Николай Ильинский, Антонов, Булгаков... И вдруг слышу в трубке рассерженный голос Давида Иосифовича Ортенберга, нашего главного редактора:

- Трояновский! Как вы оказались в Казани?!

Пришлось объяснить, что я вовсе и не в Казани, а просто передаю материал по эдакой невероятной дуге связи...

17 декабря к нам в Тулу приехал Константин Симонов. Спросил меня, скоро ли войска 50-й армии освободят Калугу. Я разочаровал его, показав на своей карте приблизительное очертание фронта.

Вместе направились в штаб армии.

Генерал-лейтенант И. В. Болдин как-то заметил, что из фронтовых писателей и корреспондентов ему больше по душе Константин Симонов. Командарму, в частности, очень нравилась поэзия Константина Михайловича - энергичная, глубокая, человеческая, патриотическая. Все стихи поэта, опубликованные в дни войны, затрагивают сердце и будят у воинов самые высокие чувства.

Выделялись и его корреспонденции, очерки. Они так же правдивы, высокохудожественны, интересны...

Поэтому и неудивительно, что, услышав о прибытии К. М. Симонова, генерал первым вышел из комнаты и тепло поприветствовал нашего товарища.

Без паузы начался разговор о поражении фашистских армий под Москвой, о героической обороне Тулы, о ближайших задачах войск 50-й армии.

- Калуга конечно же входит в планы армии, - сказал И. В. Болдин, отвечая на вопрос Симонова. - Но пока наше продвижение к этому городу встречает довольно сильное противодействие со стороны врага...

Худой и какой-то даже угловатый от этой худобы, очень усталый, К. М. Симонов, время от времени дотрагиваясь до своих крохотных усов, был весь внимание. Он обладал отличной памятью, поэтому никогда не делал записей, откладывая это на более позднее, когда останется один, время.

Симонов пробыл в 50-й армии несколько дней. Ездил вместе с фотокорреспондентом Кноррингом в только что освобожденные города Плавск и Одоев. И все время пытался пробиться к Калуге. Поехали в машине - помешала пурга. Вызвал из Москвы редакционный самолет У-2. Дважды летал в направлении Калуги, но оба раза непогода закрывала самолету путь. В довершение всего Константин Михайлович заболел и, уезжая в Москву, полушутя-полусерьезно сказал мне:

- Калугу оставляю тебе...

Итак, Тульская область уже полностью освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Танковые дивизии Гудериана потерпели здесь сокрушительное поражение.

Тула, конечно, не стала еще тыловым городом, но огненный вал войны все дальше откатывался от ее стен.

На очередной встрече с журналистами центральных газет первый секретарь обкома партии В. Г. Жаворонков привел интересные цифры, характеризующие вклад рабочей Тулы в разгром врага на этом участке фронта. На заводах города в трудные дни боев было отремонтировано 66 танков, 70 артиллерийских орудий, сотни пулеметов, немало автомашин. Выпускались минометы, собирались тысячи винтовок и автоматов. И все это делалось руками женщин, пенсионеров, мальчишек-ремесленников. Причем на самом примитивном оборудовании, так как основные станки и машины были с заводов заблаговременно эвакуированы.

В. Г. Жаворонков от имени обкома партии и городского комитета обороны поблагодарил корреспондентов за сотрудничество, попросил не забывать Тулу.

- Я знаю, - сказал он, - что вы пойдете вперед вместе с армией. Но время от времени пишите о тех, кто помогает нашим воинам ковать грядущую Победу.

* * *

Трояновский П. И. На восьми фронтах.-М.: Воениздат, 1982.- 256 с.,

Тула в годы войны. Дневник Нины Михайловны Яковлевой.

На углу Первомайской и Ф.Энгельса были снесены старые одноэтажные частные дома, вплоть до казарм, здесь оставался еще один длинный одноэтажный дом, в котором до его сноса жили офицеры, слева от него был еще один одноэтажный небольшой дом, принадлежавший казармам. После того как дома снесли был вырыт котлован и заложен фундамент. Шли дожди, котлован стал наполняться водой. И я когда проходила мимо, всегда видела эти озера. Так продолжалось до начала строительства многоэтажных домов, но это было уже после войны.

1941 год 22 июня. Утро было пасмурным, но тихим. На южном углу ул. Первомайской и Ф.Энгельса у забора больницы им. Семашко стоял Сапожный киоск. Сапожник велел придти за

ними в 12 дня. Около 12 часов дня по радио было сообщение о выступлении Молотова В.М. Я побежала за туфлями и рассказала об этом сапожнику. Он просил меня рассказать обо всем поподробнее.

Ровно в 12 часов мы узнали о начале войны. Сапожник снял свой фартук, закрыл свой киоск, как оказалось навсегда, и ушел. По Первомайской улице прямо по дороге к магазину бежали женщины, несли оттуда соль, спички и мыло.

Немцы наступали. Радио не выключали слушали все сообщения, которые становились все тревожнее. В «Последних известиях» около 12 часов ночи услышали предсказание какого-то старца жившего в деревне в Смоленской обл. «Гитлер начал войну с Россией в тоже время что и Наполеон, он проиграет ее, а русские победят».

3 июля 1941 г. по радио выступил И.В.Сталин. Свое выступление он закончил словами «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Всеми делами города управлял обком партии во главе с первым секретарем Жаворонковым Василием Гавриловичем. Город готовился к бомбежкам. Во дворах были вырыты траншеи, которые накрывались досками (думаю, что это были готовые окопы для красноармейцев, если бы немцы ворвались в город). Проверялись все чердаки и подвалы, освобождались от мусора. По ночам жителей заставляли сидеть у каждого дома, дежурить. Налеты немцев участились. Была введена строгая светомаскировка. Окна во всех домах были заклеены крест на крест полосками бумаги и занавешены плотными занавесками - светомаскировка. Дежурные, в темное время суток, ходили по улице наблюдая за светомаскировкой.

Напротив нашего дома на ступеньках проходной сидели красноармейцы. Ждали сигнала тревоги, но вначале все было тихо. Слушали радио, а сводки становились все тревожнее.

2 октября. Немцы взяли Орел. На пути была Тула. Я сейчас не помню, что творилось в Петровских казармах напротив нашего дома по Первомайской, но они готовились к обороне. Тула окапывалась со всех сторон. Рылись противотанковые рвы и окопы. Окопы и рвы рыли туляки от 17 до 50 лет.

16 октября. Моя подруга передала мне слова Дуняши (тульская предсказательница, ей многие верили): «Немцы в Тулу не войдут, я заперла Тулу на замок, а ключи потеряла». Но тогда я ничему не верила. Спустя много лет, в газете «Тульская молва» я прочитала заметку о Дуняше, где описывались ее предсказания.

23 октября. Городской комитет Обороне принял решение о формировании Тульского Рабочего полка (командир - Горшков А.П., комиссар - Агеев

Г.Л.) В полк объединили 1500 человек. Полк был переведен на казарменное положение. Вооружение - старые трофейные винтовки, ручные гранаты, бутылки с горючей жидкостью. Пулеметы собирались из запчастей, из учебного оружия. Обмундирование не выдавалось. В полку были люди разные по возрасту и по профессии. Горшков - единственный кадровый офицер - пограничник. Шла подготовка к уличным боям. Поперек улицы сооружались каменные или деревянные стены, к которым присыпалась земля. Насыпи имели толщину 3-3,5 метра, высоту - 2 метра. На перекрестке ул. Первомайской и Ф.Энгельса была выстроена баррикада. Окна нижних этажей угловых каменных зданий закладывались кирпичом на цементе, в них устраивались бойницы для ведения огня. У въезда в город сооружались надолбы. Начались грабежи пустующих квартир, магазинов, складов. Охрана порядка в городе была возложена на коменданта полковника Мельникова.

25 октября Тульский ГКО принял постановление о введении с 26 октября 1941 г. в Туле и в прилегающих районах в входящих в зону обороны Осадного положения. В Туле к этому времени не было регулярных войск. Но потихоньку в Туле стали появляться солдаты. На улицах можно было видеть красноармейцев без шинелей и оружия идущих с южной стороны города. Это остатки 50 армии выходили из окружения. На окраине Тулы для обороны расположились отряды: слева от шоссе Тула - Орел занял позиции Рабочий полк, справа 156 полк НКВД. Одоевское шоссе 100 человек сводного отряда Тульской милиции, Воронежское шоссе 260 дивизия 200 человек 50 армии. Тулу от воздушных налетов защищал 732 зенитный полк ПВО.

29 октября в нашем доме было суматошно. Меня отправили за хлебом. В это время работал один Филипповский магазин на улице Советской. Очередь тянулась по Ф.Энгельса до Каминского. Хлеба не было, магазин был закрыт. Вдруг над нами завис немецкий самолет очень низко. Мы увидели голову летчика, смотревшего на нас. Вся очередь отхлынула от стен домов и встала посреди улицы, разглядывая самолет. Какой-то военный закричал: «Что вы делаете, вас же могут убить!» Только тогда народ разбежался. Домой бежала по ул. Коммунаров к Первомайской, а мне навстречу - люди с узлами в руках. Дома застала всю семью, собиравшуюся уходить. Спешно собирали в мешки нужные вещи. Оказывается, приходили военные и выгоняли всех жителей из домов по ул. Первомайской и отправляли на ул. Свободы в подвалы домов, каждой семье были указаны конкретные адреса. Казармы были пусты, ворота распахнуты настежь. Ликероводочный завод (около 20 школы) раздал своим сотрудникам (сколько те могли взять) водку и спирт, оставшееся спустили по трубам в сторону поселка Мясново.

Мы ушли на ул. Свобода. В подвале 3-х этажного кирпичного дома мы увидели много народа. Заняли места на лавках и иногда выходили на улицу и слушали стрельбу. С Косой горы вернулся трамвай, и больше туда не пошел. Гул канонады час от часу усиливался. Когда стемнело, стрельба смолкла. Пошел мелкий холодный дождь. В разных частях города были пожары.

Немецкие танки были уже в Новое Басово. Здесь кавалерийский взвод под командованием комиссара Садовникова столкнулся с немецкими танками. Комиссар Садовников в том бою погиб. Когда отогнали немцев его останки извлекли из-под снега и с почестями похоронили на Всехсвятском кладбище.

30 октября утром Тула приняла бой. Разведка Гудериана донесла, что русские не успели закончить противотанковый ров и заминировать неоконченный участок. Мин просто не было, а на ров не хватило времени и сил. В 6.30 на Тулу после артподготовки пошло 50 танков. Все атаки были отбиты. Орудийные расчеты лейтенанта Милованова стояли на том месте, где стоит зенитная пушка у 2-го корпуса Политехнического института. Впереди всех у шоссе стояли 2 зенитных орудия батареи л-нта Волнянского. Они первыми встретили танковый удар и подбили 14 танков. В 8.50 л-нт Волнянский погиб смертью героя. Огневая позиция Волнянского находилась где-то напротив кинотеатра «Салют», там сейчас ул. им. Волнянского, а там где стояли орудия на доме висит мемориальная доска. По подвалам прошел патруль и проверил у всех документы.

31 октября немцы бросили на Тулу 100 танков и 2 батальона пехоты. Атаки были отбиты. Вечером к нам на помощь подошли «Катюши».

1 октября утром была сильная перестрелка на южной окраине города. У ворот дома, где мы сидели в подвале, лежала убитая лошадь. Подошедший к нашей толпе офицер сказал: «Что смотрите? Рубите мясо, скоро есть будет нечего». Потом варили суп из мороженой картошки с кониной. Противно! Из подвала дома, где мы сидели, перебрались в костнотуберкулезный санаторий (угол ул. Бундурина и Л.Толстого), где до осады работала врачом жена моего брата. Жили на кухне санатория. Ночью я спала на плите. Через час после нашего вселения во двор санатория въехали 2 грузовые машины с зенитками. На углу ул. Свободы размещался штаб. Каждый налет сопровождался обстрелом, а мы орали от страха падающих бомб. Красноармейцы были одеты в белые полушубки. Санаторий располагался в одном квартале от парка, где проходила передняя линия обороны.

По радио объявили о налаживании производства из подручных средств и материалов 82 мм минометов и отправке первых образцов в Тульский рабочий полк. в Туле действовала Телефонно-телеграфная связь. Работали

медучреждения. Газетные киоски продавали все центральные газеты, «Коммунар» и «Молодой Коммунар». По радио кроме Тульских передач, были Московские и даже Ленинградские. Работали рынки, кинотеатры, бани. Народ очень любил ходить в тульские бани. Во время осады в Туле родилось 500 детей.

Наш кот «Пушок» наотрез отказался менять свое место жительства и оставался в нашем куда периодически ходили родители посмотреть за домом, натопить печь, покормить «Пушка».

10 ноября. Утром выбили немцев из Рогожинского поселка и кирпичного завода. Ввели продовольственные карточки. Я ходила их получать и отоваривалась по ним в магазине. И вот тут имела дело с баррикадой, через которую никак не могла перелезть. Это было очень трудно. Я плакала от бессилия. Помочь было некому. Казармы были пусты. Все хозяйственные дела были на мне. В руках были деньги, карточки на продукты, уголь. Кое-как с рыданиями перебралась. Заработала чесотку.

На колокольне Всесвятской церкви на кладбище был наблюдательный пункт и немцы ее постоянно обстреливали, но ни одно перышко на крыльях статуй ангелов что на колокольне не было повреждено.

8 декабря из Тулы перешли в наступление части Красной Армии.

14 декабря освобождена Коса Гора, Ясная Поляна. 17 декабря Щекино. 30 декабря Калуга. 31 декабря Белев.

Тульский ГКО принял постановление о начале работы некоторых предприятий.

25 декабря была страшная бомбежка.

31 декабря слушали по радио сообщение об освобождении Калуги. По талонам выдавали топливо: мешок угля и несколько поленьев.

1942 год 8 января началось общее наступление Красной армии. После снятия осады жизнь в городе закипела. Начали приходить письма от эвакуированных и с фронта.

В конце января мы перебрались в дом на ул. Первомайской. Отапливались «буржуйкой». Было голодно, по приходившим «с визитом» всегда находилась чашка с горячей водой. После осады близлежащие деревни повезли в город продукты. Можно было купить овощи, муку, даже поленья дров, по три штуки по твердой рыночной цене. Кроме того, в ход шли вещи. Население города несло на рынок свои сокровища. Жизнь закипела. Стали приходить письма от эвакуированных, призванных в армию... В наш дом шли письма от моих школьных товарищей с фронта. И так было до конца войны.

Начали работать несколько школ, остальные были заняты под госпитали. Заработали Механический и Педагогический институты. Там открыли курсы по подготовке к экзаменам. Но экзаменов не было всех приняли без них. Заработали Кинотеатры. Город стали снабжать топливом.

22 декабря из Тулы ушел Рабочий полк на освобождение Калуги. Затем он был переформирован в 766 стрелковый полк и стал полнокровным войсковой частью.

Я в это время работала в лаборатории больницы им. Семашко. Мои одноклассники большей частью были на фронте. Переписка с ним была очень оживленной.

Весной открылся Парк. На центральной эстраде были скромные концерты. Заработал Павильон танцев (он был в конце Аллеи Героев, рядом с спортзалом Динамо) Его посещали очень много молодежи.

Петровские казармы на Первомайской снова были заполнены красноармейцами. Здесь открыли пулеметное училище. Дежурные по КПП сидели на ступеньках КПП, а мимо них каждый вечер шла в парк молодежь.

В 1942 г. положение на фронте для нас оставалось тяжелым. В глубоком тылу наряду с введением в строй эвакуированных предприятий, разворачивалось грандиозное строительство электростанций, железных дорог для подвоза сырья и снабжения войск.

Расширялись посевные площади. На полях, в основном, работали женщины и дети. Жизнь была очень тяжелой.

Летом 1942 года в Туле гастролировал Карело-финский театр оперетты. Народ набивался на спектакли до отказа. На сцене шло красивое представление с прекрасными исполнителями. Когда я ходила по утрам на рынок мимо здания театра (теперь здесь филармония), часто встречала спешивших на репетицию артистов. Они были худы, плохо одеты и обуты. А вечером блистали красотой и талантами. Пели прекрасно! (Среди них были артисты оперы). Окна в зале были закрыты наглухо и завешены тяжелыми толстыми драпировками. Опасались налетов немцев. Часто во время спектакля раздавались звуки сирены, и всех отправляли в фойе на первом этаже. После спектакля при выходе из зала часто проверяли документы. Билеты на спектакли достать было очень трудно, много желающих. Военные шли вне очереди.

В сентябре 1942 в Тулу приехал из армии в отпуск мой одноклассник Яковлев Лева (он приехал из госпиталя - был тяжело болен, сказался трудовой фронт 1941 г., потом лютая зима), его уволили из армии и дали «Белый билет». Мы дружили еще в школе.

В конце 42 год наша армия перешла в решительное наступление под Сталинградом. У нас в «столовой» на стене висела административная карта

СССР. Отец внимательно слушал радио и читал газеты. Нам сказал: «Немцы Волгу не пройдут, их остановят». Потом отец говорил : «Я уважаю Сталина». С этим мнением он дожил до своей смерти 5 февраля 1953 г.

Мы слушали по радио голос Левитана о наших победах и гром салюта в Москве. А наши мальчики воевали и писали письма с фронта. Из нашего класса погибли только двое: Сережа Гаспев (1942 г.) и Слава Сечкин.

1943 год. 1 января - пятница, не хороший день, но все надеялись, что конец года будут радостным.

В нашем доме и в других домах хранились мешки с сухими продуктами, их привозили из деревень родственники курсантов пулеметного училища. Ребята прибежали к нам и ели их. У нас бывали двое курсантов Алеша и Саша. Алеша - серьезный, Саша - балагур. Приходя к нам они с гордостью показывали свои новые знаки различия. Алеша после выпуска погиб, а Саша приезжал к нам в 1947 г. после службы в армии.

Весной 1943 г. жителям Тулы, работающим на предприятиях во временное пользование выдавали участки земли расположенные в окрестностях города. Нам выделили огород в районе Серебровского поселка. По выходным дням или после работы люди отправлялись вскапывать свои огороды и сажать картофель, который был основной едой для всех. По городу все время двигались люди с лопатами и тяпками. А осенью кто на чем мог везли урожай домой.

25 мая пришли курсанты и сообщили, что их переводят в другое училище. Лица у них были скучные.

А с фронта шли письма наших бывших одноклассников. Мои корреспонденты сообщали о том, что их части перешли в наступление на Запад. Все искали связи с тылом, с мирной жизнью. Иногда наши «Мальчишки» приезжали в Тулу на побывку. Это были радостные встречи.

Летом 1943 г. почти каждую ночь мы слышали гудение немецких самолетов. Они не бомбили Тулу, а летели на восток, бомбить заводы на Урале. Получилось так, что Тула спала почти спокойным сном. Привыкли к гудению самолетов, стрельбе зениток. Мама очень тревожилась, будила нас, гнала в убежище. Мы просто перестали вставать. Но в середине августа, часа в 4 утра, я заволновалась. Но все, даже мама, спали спокойно. Я проснулась и стала слушать гул мотора самолета, идущего на большой высоте. Он возвращался на запад. Меня объял ужас. Я стала всех будить, но никто не вставал. А гул все приближался... Потом послышался свист падающей бомбы. Спавшая улица Первомайская через минуту была наполнена народом. Все выскочили, кто во что одет. Стояла тишина... Все дома были целы, бомба упала за маленьким домиком, принадлежащим казарме, но дом остался цел. Бомба не взорвалась. Все бросились смотреть место ее паде-

ния. Но появились военные, стали разгонять людей от места падения бомбы. Смотреть страшную, глубокую яму бегали позже. Но я не смогла смотреть. Вечером молодежь шла в парк на танцы. Все разговоры были только о бомбе... Это была последняя бомбежка Тулы.

Надо было где-то учиться. Я и мой будущий муж подали документы в Механический институт. Мой брат был против моего поступления и говорил, что эта специальность не для меня. А я успешно сдавала все экзамены.

А дома шла своя трудная жизнь. Брат заставил меня поступить в зубо-врачебную школу, экзамены сдавала благополучно.

19 сентября был объявлен днем артиллерии, в Туле был салют. А мы учились, жили, слушали сводки Совинформбюро, смотрели салюты и ждали окончания войны.

Несколько писем с фронта сейчас хранятся в Туле в 4 средней школе.

Как только наши войска перешли границу и оказались в других странах, в СССР к родственникам солдат стали поступать посылки. Сразу активизировалось жулье, которое грабило людей и квартиры. У нас же брат было нечего, но могли ночью остановить на улице. Появились целые банды о которых рассказывали ужасы.

В Туле со времени осады появился рынок, где сначала шел обмен товарами. А потом появилась «американская помощь» колбаса, консервы, галеты и прочее. А позднее и «трофейные тряпки». Рынок просуществовал некоторое время и после войны.

Все ждали окончания войны. Но сообщение об этом я проспала. Виновата в этом была моя мама. Дело было ночью. Родные все слушали сообщение, а меня будить не стали. Разбудили меня в 5 часов утра. Ярко светило солнце.

В казармах напротив нас уже не было никакого училища, даже солдат не было. Находились там женщины военнообязанные. Если раньше на ступеньках проходной сидели дежурные курсанты, а потом солдаты, то весной 1945 года ворота и двери проходной были наглухо заперты.

Я была разбужена и увидела следующую картину. К воротам казарм подъехала открытая машина «Джип», в ней сидели шофер и какой-то военный. Шофер сигналил, а потом они вдвоем стучали в ворота. Тишина. Тогда военный полез через забор, а через некоторое время мы услышали дикий визг и радостные крики.

В 9 часов я пошла к Леве. Шла по ул. Коммунаров. Увидела открывающийся на углу Коммунаров и Л.Толстого магазин, куда направлялись со жбанчиками мужчины. Здесь по талонам давали водку.

9 мая был объявлен не рабочим днем. Какие же передачи были по радио. Звучала бодрая музыка. Транслировались и передачи станции «Маяк». Она

появилась во время войны для обеспечения навигации. Работала без перерыва круглые сутки. Непрерывно звучали грамзаписи без дикторского текста. Позже стали передавать 2 раза в час короткие известия. (видимо автор здесь что-то путает. Радио «Маяк» начал работу в середине 1960-х годов. ЛАН) Мы с удовольствием слушали веселые, бодрые песни, которые не прерывали сигналы воздушной тревоги. На душе царил радость и надежда на счастье.

Во время войны в Туле появились французские летчики из эскадрильи «Нормандия-Неман». Здесь у них была учебно-тренировочная база. Мы видели блестящих, жизнерадостных французов. Для них всегда были билеты в театр, в первых рядах партера.

Учеба наша шла, на носу были экзамены. Наступила весна, тревожили огороды. Все время хотелось есть. В наших учебных заведениях начались экзамены. Я училась старательно, но голова работала плохо - все время хотелось есть. Мои школьные товарищи еще не были демобилизованы и от них в Тулу шли письма.

В Тулу стали приходить эшелоны с демобилизованными. Вся Тула бежала их встречать на Курский вокзал. Было много неожиданных встреч. Открылись коммерческие магазины, где за большие деньги можно было купить разные товары и вкусную еду. В основном покупали военные, но мы им не завидовали, они заслужили это право.

Когда я услышала о начале войны с Японией, то очень плакала. «Неужели наши мальчишки опять уйдут на войну». Слушали сводки военных действий. Наши войска все наступали и наступали. 2 сентября 1945 г. японцы подписали акт о капитуляции и в Москве в честь этого был салют. Я и мой будущий муж были в Москве, стояли около здания Исторического музея и все видели своими глазами.

Приложение.

Топографическая карта окрестностей Тулы (из отчетной карты 50 армии 11.11.1941 г.)